

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ



Сергей МОСКВИН

СВЕРХСЕКРЕТНЫЙ
ОБЪЕКТ



Сергей Москвин

Сверхсекретный объект

«ЭКСМО»

2004

Москвин С. Л.

Сверхсекретный объект / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2004

Капитан Осокин был когда-то на хорошем счету у командира спецподразделения ГРУ «Каскад» подполковника Федорова. Но теперь у него новое имя Стен и кличка Циклоп, и он возглавляет диверсионную группу, заброшенную в Россию для сбора секретных сведений о баллистической ракете «Тополь-М». По иронии судьбы, Федорову пришлось возглавить операцию по поимке Циклопа и его команды. Он знает, с кем имеет дело: Осокин убивает человека одним ударом и не знает себе равных в стрельбе по-македонски. Но и бывший, и новый руководитель «Каскада», майор Кудрявцев, полны решимости остановить матерого диверсанта, предателя и убийцу, ведь они хорошо знали его задолго до того, как он был отчислен за мародерство из отряда, попал в Штаты и был завербован ЦРУ... Роман издавался под названиями «Охота на Гризли», «Стрельба по-македонски».

© Москвин С. Л., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Театр Российской армии, Москва	5
Безвоздушное пространство,	10
Штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли, штат Виргиния	12
Правительственная зона штата Виргиния	17
Побережье Южно-Китайского моря	19
База ВМС США,	23
Коттеджный поселок постоянного состава базы ВМС США на острове Лусон	28
Коттеджный поселок постоянного состава базы «Боинг-747», следующий по маршруту	32
Штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли, штат Виргиния	35
Отель «Мэриот», Вашингтон	38
Учебно-тренировочный	41
Компьютерный класс учебного центра	43
Побережье Атлантики,	50
Главное разведуправление Генерального штаба,	54
Управление ФСБ по Москве и Московской области,	56
Смоленский бульвар, Москва	60
Станция метро «Курская»,	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67
	70

Сергей Москвин

Сверхсекретный объект

«Под термином «тайные операции»... следует иметь в виду все виды деятельности... которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник – правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее».

Из директивы Совета национальной безопасности США

Театр Российской армии, Москва

1.05, среда, 12.20

По просторному фойе театра разными по численности группами прогуливались мужчины. Большинство было в гражданских костюмах, но встречались и люди в военной форме. Несмотря на явные различия в одежде и заметную разницу в возрасте, все собравшиеся казались чем-то неуловимым похожими друг на друга. Все крепкие, плотно сбитые, с уверенными взглядами людей, привыкших повелевать. Костюмы гражданских украшали боевые ордена, кители военных – орденские планки. У некоторых на лацканах сверкали звезды Героев Советского Союза, реже – Героев России. С разных сторон слышались приглушенные или, напротив, восторженно громкие голоса. Иногда голоса замолкали, а собеседники выстраивались рядом друг с другом, чтобы сфотографироваться на память. В разных местах театрального фойе то и дело вспыхивали блицы фотоаппаратов, запечатлевавших момент встречи ветеранов и действующих бойцов самого элитного подразделения российской военной разведки – отряда «Каскад».

– Иван Захарович! – Молодой человек в черном двубортном костюме со звездой Героя России на лацкане окликнул невысокого седого подполковника.

Тот обернулся на голос, и первоначальное удивление на его лице сменила приветливая улыбка.

– Женья? Кудрявцев?! Что же, и ребята с тобой?

– Конечно, Иван Захарович! Антон, Игорь, Николай, а вместе с ними еще две дюжины наших. Все просто жаждут поскорее увидеться с вами! Пойдемте скорее к нам! Вот ребята обрадуются!

Молодой человек решительно схватил подполковника за локоть и потянул за собой. Тот вынужденно сделал поспешный шаг следом за ним, и его лицо исказила гримаса боли.

– О! Ради бога, простите меня! – Евгений всплеснул руками. – Я же совсем забыл! Давайте я вам помогу, Иван Захарович!

Кудрявцев хотел поддержать подполковника за локоть, но тот решительно его отстранил:

– Все в порядке, Женья. Ты из меня инвалида-то не делай. Я уже два года без костылей обхожусь. Вот только если шагну неаккуратно или на лестнице оступлюсь, тогда сустав о себе и напоминает. Все-таки три операции...

Подполковник замолчал. Воспоминания о трех перенесенных операциях были для него неприятны. Евгений это заметил и преувеличенно бодро воскликнул:

– Да вы что, Иван Захарович?! Пусть только кто-нибудь попробует вас инвалидом назвать, я ему мозги-то вправлю! Вернуться в строй после такого тяжелейшего ранения – для

этого надо иметь железный характер и стальную волю! У нас в отряде все ребята говорят, что Батя настоящий герой!

Офицер грустно усмехнулся:

– Это раньше был Батя. А теперь просто подполковник Федоров – старший офицер штаба.

– Нет, Иван Захарович, – отрицательно покачал головой Евгений. – Где бы вы ни служили и какую должность ни занимали, для нас вы всегда останетесь Батей. Пойдемте же скорее, а то мне парни голову оторвут, что я вас так долго разыскивал.

– Что ж, пойдем. – Подполковник Федоров по-отечески улыбнулся. – Ты сам-то как, звездочку за что получил?

– За Чечню, – улыбнулся в ответ Евгений. – Прошла информация, что Хаттаб ждет двух курьеров с деньгами. Вот мы с Антоном Бондаренко и выступили в роли этих курьеров. Сначала с рюкзаком фальшивых баксов пробрались в Грузию. А в Кодоре¹, в условленном месте, встретились с казначеем Хаттаба. Он, конечно, с охраной явился: шестеро таких здоровых джигитов. Ну а нас с Антоном двое. В общем, положили мы всех этих джигитов, казначея скрутили – и домой. Он потом много всякого интересного наговорил. И про финансовую помощь боевикам, вплоть до номеров счетов в английских банках, и про наркотрафики, и про пути переброски оружия – все выложил... Что с вами, Иван Захарович?! – встревоженно спросил Евгений, заметив, как плотно сжались губы подполковника Федорова, а его взгляд в одно мгновение стал холодным и злым.

– Осокина вспомнил, – мрачно ответил Федоров. – Если бы не эта сволочь, мы бы могли взять Хаттаба или его казначея еще в девяносто шестом. И парни были бы живы, которых Осокин под чеченские пули подставил. Он же тогда всех нас предал! Мародер – боевиков ограбил, а своих бойцов погубил! До сих пор себе не могу простить, что не смог тогда это дело до суда довести. Скажи, Евгений, разве увольнение из армии – это наказание для мародера и убийцы?!

– Не терзайте себя, Иван Захарович. – Евгений положил руку на плечо своему бывшему командиру. – Вы и так тогда сделали все, что могли. И в том, что этот гад тогда ушел от суда, нет вашей вины.

– Да ты понимаешь, что, уволив Осокина, мы выпустили в мир полностью сформировавшегося преступника! – горячо воскликнул Федоров. – Преступника с подготовкой, которая нашим доморощенным уголовникам даже не снилась. Он же способен убить человека одним ударом. А в стрельбе по-македонски² ему в отряде вообще не было равных. Ты думаешь, чем он занялся после увольнения? Сначала возглавлял банду законченных отморозков в своем родном Омске, затем перебрался в Москву, где стал одним из самых высокооплачиваемых наемных убийц. Между прочим, это он в девяносто девятом расстрелял главу чеченской диаспоры Москвы вместе с шестью его телохранителями в гостинице «Славянская». Я тогда уже работал в штабе, и ко мне приходил следователь из Московской прокуратуры, который вел это дело. Впоследствии он же и сообщил мне о том, что полиция аэропорта Кеннеди в Нью-Йорке арестовала Осокина за убийство пяти человек, совершенное им в спортивно-развлекательном комплексе Майами. По сведениям, распространенным американской полицией, Осокин убил какого-то американского бизнесмена – бывшего нашего соотечественника, двух его телохранителей, охранника спортивного комплекса, пытавшегося его задержать, а затем и случайную девушку, на мотоцикле которой он скрылся с места преступления. К чести американских полицейских, они все же сумели выйти на след убийцы и арестовать Осокина во время посадки

¹ Имеется в виду Кодорское ущелье, расположенное на территории Грузии на границе с Чечней.

² Стрельба по-македонски – прицельная стрельба с двух рук одновременно из разных пистолетов по одной или различным целям.

на вылетающий в Москву самолет. Сейчас он отбывает пожизненное заключение в одной из американских тюрем, предназначенных для содержания особо опасных преступников.

– Вот как, – изумленно протянул Евгений Кудрявцев. – Я ничего этого не знал. Значит, Осокин все-таки получил по заслугам за свои преступления. Хотя, справедливости ради, такого гада следовало, конечно, шлепнуть! – закончил он. – Ладно, Иван Захарович, хватит о грустном. Парни уже давно вас заждались. Мы расположились вон там, слева от входа.

Он вытянул руку в направлении двух десятков улыбающихся молодых мужчин, которые уже заметили приближающегося к ним Федорова и приветливо махали ему руками.

– Товарищи офицеры! – Кудрявцев остановился в двух шагах от своих товарищей. – Разрешите представить, – он повернулся вполоборота к своему спутнику, – старший офицер штаба подполковник Федоров, или, проще говоря, Батя!

– Здравствуйте! Добрый вечер, Иван Захарович! Как ваше здоровье?! Отлично выглядите! – одновременно донеслось с разных сторон.

Действующие бойцы «Каскада» тесным кольцом обступили своего бывшего начальника, до его злополучного ранения в декабре 96-го года занимавшего должность заместителя командира отряда по боевой подготовке. Для тех, кто был лично знаком с Федоровым, он стал учителем и вторым отцом. Потому что знания, переданные Федоровым своим бойцам, не раз спасали им жизнь во время самых опасных и рискованных операций. Большинство «каскадовцев», окруживших сейчас подполковника Федорова, были с ним во время самой трагической командировки в Чечню в 96-м году, когда отряд потерял сразу пятерых своих бойцов, трое из которых погибли из-за предательства бывшего командира штурмовой группы – капитана Осокина. Сам Федоров тоже едва не погиб, когда автомобиль, в котором он ехал, подорвался на установленном боевиками фугасе. Однако, получив множественные осколочные ранения, Федоров все-таки выжил. Более двух лет он провел в госпиталях, перенес три сложнейшие операции на тазобедренном суставе, но все-таки сумел вернуться в строй. Правда, военно-врачебная комиссия, узнав о том, что после полученного ранения подполковник буквально заново учился ходить, признала его ограниченно годным к нестроевой службе.

Для офицера ГРУ такое заключение врачебной комиссии было равносильно приказу о его увольнении из военной разведки. Требования, предъявляемые к здоровью сотрудников ГРУ, одни из самых высоких в армии. Однако, когда сразу десять офицеров «Каскада», во главе с майором Кудрявцевым, ставшим вместо Федорова заместителем командира отряда по боевой подготовке, твердо заявили о своем намерении подать рапорта об отставке в случае, если Федоров будет уволен из армии, командование ГРУ сочло возможным оставить подполковника на службе. Выполняя указание начальника управления, кадровики срочно подыскивали для Федорова вакантную должность в центральном аппарате ГРУ. Так бывший зам по боевой подготовке в подразделении спецназа стал старшим офицером штаба Главного разведуправления Министерства обороны.

Когда организованная в Театре Российской армии встреча ветеранов и действующих офицеров «Каскада» подошла к концу, майор Кудрявцев повез своего бывшего начальника к себе домой.

– Иван Захарович, никаких возражений! – объявил он Федорову. – Должен же я познакомиться вас со своей семьей. А когда еще представится подобный случай.

Подполковник Федоров не стал возражать. После теплой встречи со старыми друзьями и бывшими однополчанами ему совсем не хотелось возвращаться в свою одинокую холостяцкую квартиру...

На звук открываемой двери в прихожую выбежал босоногий малыш в футболке и трусиках и вопросительно уставился на незнакомого мужчину. Кудрявцев легко подхватил малыша на руки и с нескрываемой гордостью в голосе произнес:

– Знакомьтесь, Иван Захарович, – мой сын! Между прочим, ваш тезка – тоже Иван!

– Привет, тезка. – Федоров улыбнулся. – Сколько же тебе лет?

– Два, – ответил за сына Евгений. – Вон какой богатырь!

С этими словами он подбросил ребенка под потолок и ловко поймал его хрупкое тельце. Малыш залился счастливым смехом, – очевидно, подобные игры с отцом ему очень нравились. Иван Федоров смотрел на совсем не богатырские складочки на ножках ребенка, чувствуя, как к его горлу подступает горький комок. Сейчас он от души завидовал своему бывшему подчиненному, у которого рос сын, а дома ждала любящая жена. Сам Федоров так и не обзавелся семьей. В какой-то мере семью ему заменили бойцы «Каскада», с которыми Федоров проводил все служебное и большую часть личного времени.

Вслед за ребенком в прихожую вышла молодая женщина в простеньком домашнем халате. Поздоровавшись с Федоровым, она взглянула на мужа и с оттенком укоризны сказала:

– Что же ты не предупредил меня о госте? Я бы приготовила что-нибудь да и переоделась.

– Ты у меня и так самая замечательная, – ответил Евгений и, обращаясь к Федорову, добавил: – Иван Захарович, моя жена Маша. Маша, это мой боевой командир – Иван Захарович Федоров, – представил он супруге своего гостя. – Если бы не он, мы бы с тобой так никогда и не встретились.

– Как это? – удивилась Маша.

– Да просто шлепнули бы меня уже давно, если бы не его наука, – с наигранной беспечностью ответил Евгений.

– Что вы, Маша, ваш муж шутит, – поспешно вставил Федоров, заметив, как испуганно вспыхнули глаза женщины.

Однако, несмотря на его замечание, Маша продолжала настороженно смотреть на мужа, пока тот ласково не обнял ее и не увел из прихожей в гостиную.

Затем бывшие сослуживцы уединились на кухне. На столе появилась припасенная для подобного случая бутылка водки и незатейливая закуска, состоящая из нарезанного крупными ломтями хлеба, твердого сыра и полукопченой колбасы.

– Давайте еще раз за встречу, – предложил хозяин квартиры первый тост, наполнив рюмки.

После первого тоста последовал второй, за ним третий. Раздобрев от выпитой водки и от домашнего уюта, Федоров заметил:

– Хорошая у тебя семья, Женька. И квартира тоже хорошая. Правильно живешь, молодец.

– Не жалуюсь, – усмехнулся Евгений. – Квартиру-то мне звездочка помогла получить, – похвастался он. – Если бы не звание Героя, хрен бы дали. А так все-таки двухкомнатная, маленькая, правда, но нам с Машей хватает. Вообще-то я сюда только спать прихожу. А так целый день на базе или вообще в командировках. Вон, всего две недели как из Чечни вернулись. Говорят, в конце лета обратно. Так что Маше с Ванюшкой приходится здесь одним домовничать. Ну а вы-то как, Иван Федорович? – сменил тему Кудрявцев. – Скучаете, наверно, без боевого азарта?

– Не то слово, – грустно вздохнул Федоров. – Все-таки не по мне кабинетная работа. Привык я к прежней службе и к ребятам нашим привык. А теперь сижу в пустом кабинете один как перст. Время до пенсии высиживаю.

– Надоело бумажки перебирать? – посочувствовал Евгений.

– Да не в этом дело, – мотнул головой Федоров. – Если бы от моей нынешней работы хоть польза была. Это ведь только звучит красиво – старший офицер штаба, а фактически вся работа состоит в том, чтобы читать справки аналитического отдела и отчеты зарубежной резидентуры, да выбирать из них места, интересные для руководства. Командованию, видишь ли, лень целиком весь отчет читать, вот подобные мне офицеры и делают для руководства управления соответствующую выборку.

Кудрявцев в сердцах стукнул кулаком по столу, так что стоявшая рядом с ним наполненная рюмка едва не опрокинулась.

– Да что там, в руководстве управления, совсем, что ли, ничего не понимают?! Вы же Учитель с большой буквы! Вас же на преподавательскую работу направить надо! Вон у нас в отряде парни до сих пор вспоминают, как вы с ними мучились! Зато скольким пацанам ваши занятия жизнь спасли! Помните, мы же из самых безнадежных ситуаций выбирались – и все благодаря вашим занятиям! Да я уверен – тактику специальных операций лучше вас никто преподать не сможет! Эх! Моя бы воля, я бы вас начальником всего нашего учебного центра назначил! А вас вместо этого – бумажки в штабе перебирать!

Кудрявцев вновь с силой ударил кулаком по столу. От этого удара его наполненная рюмка подпрыгнула и, ударившись об стол, разбилась, забрызгав водкой всю столешницу и расставленные на ней тарелки с закуской.

Безвоздушное пространство, 350 км от поверхности Земли 2.05, четверг, 08.00

Разведывательный спутник «Тритон» Управления национальной аэрокосмической разведки США на высоте трехсот пятидесяти километров от Земли пересек 30-й меридиан и начал снижение, постепенно приближаясь к земной поверхности. Проекция перигея³ орбиты «Тритона» приходилась на Западно-Сибирскую равнину, а сама орбита была построена таким образом, что спутник синусоидальным зигзагом пересекал практически всю территорию России, проходя над Среднерусской возвышенностью, Уральскими горами, Западной и Восточной Сибирью, Сахалином и Камчаткой. Миновав Камчатку, спутник вновь начинал удаляться от Земли, чтобы до очередного снижения успеть зарядить свои аккумуляторы от солнечных батарей, восполнив тем самым запас энергии, израсходованной на выполнение полетного задания.

Среди всего многообразия объектов земной поверхности, попадающих в четырехсот-километровую полосу сканирования разведывательного спутника, создателей «Тритона» и, особенно, авторов его полетного задания интересовали только те, которые имели в своем составе элементы, являющиеся источниками бета- и гамма-излучения. При регистрации каждого такого источника включалась вся бортовая аппаратура: разворачивались остронаправленные радиолокационные антенны, открывались объективы длиннофокусных фотокамер и выдвигались тепловые датчики, фиксирующие остальные параметры обнаруженной цели. Но первоочередным и неременным условием изучения каждого вновь обнаруженного объекта являлось наличие у него одного или нескольких сгустков высокообогащенного урана или плутония. «Тритон» наблюдал за пусковыми установками российских межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками.

Одновременно с «Тритонами», но по другим орбитам, над акваториями Атлантического, Тихого, Северного Ледовитого и Индийского океанов проносятся космические аппараты серии «Посейдон», также принадлежащие Управлению национальной аэрокосмической разведки США. Эти спутники фиксируют перемещение российских подводных атомных ракетноносцев. Отслеживаемые «Посейдонами» цели имеют в своем составе атомную энергетическую установку, являющуюся мощным источником радиоактивного излучения, а также несколько десятков баллистических ракет с ядерными головными частями. Технически обнаружить такую цель значительно проще, чем пусковую установку с одной-единственной межконтинентальной ракетой, поэтому полоса сканирования «Посейдона» составляет целых две тысячи километров.

«Тритон» является новым поколением разведывательных спутников. Несмотря на практически полное сходство со своим прототипом «Посейдоном», он снабжен более чувствительной аппаратурой. Но и задача «Тритона» намного сложнее. Ведь он должен отыскать не стопятидесятиметровую субмарину, оставляющую за собой многокилометровый кильватерный след слабоповышенной радиоактивности, а одиночную стартовую позицию межконтинентальной ракеты, затерявшуюся среди бескрайних просторов лесов или степей. В сравнении с машиной подводного ракетноносца межконтинентальная ракета выглядит, как спичка рядом с бейсбольной битой, но ее пуск по масштабам последствий соизмерим с залпом всего ракетного крейсера. Потому что каждая межконтинентальная баллистическая ракета может нести в себе от одной до десяти ядерных или термоядерных боеголовок, суммарная мощность которых исчисляется десяткам мегатонн. Вот почему расположение стартовых площадок межконтинентальных ракет интересует разведку ничуть не меньше, чем маршруты подводных ракетноносцев.

³ Перигей – ближайшая к Земле точка орбиты Луны или искусственного спутника Земли.

Стартовые площадки подразделяются на стационарные ракетные шахты и передвижные. В качестве последних в Соединенных Штатах используются прицепы-трейлеры, буксируемые мощными грузовиками, в России – железнодорожные вагоны и специальные многоосные тягачи повышенной проходимости, несущие на себе транспортно-пусковой контейнер с межконтинентальной баллистической ракетой. Но если перемещение железнодорожного состава ограничено разветвленностью железнодорожной сети и, следовательно, довольно легко просчитываемо, то маршрут тягача-вездехода практически не поддается вычислению. Поэтому расположение именно этих передвижных ракетных комплексов вызывает наибольший интерес у американской разведки.

Внизу, в трехстах километрах от «Тритона», голубой нитью извивалась на выпуклой поверхности Земли Северная Двина. Разведывательный спутник летел над Архангельской областью. Его чувствительная аппаратура только что зафиксировала шесть шахт с межконтинентальными баллистическими ракетами, расположенными между Плесецком и Пуксозером. Данный факт никак не повлиял на дальнейшее выполнение полетного задания – расположение стартовых площадок баллистических ракет в районе российского космодрома Плесецк давно было известно американской разведке. «Тритон» пересек условную границу Архангельской области и Республики Коми. Приближаясь к перигею, разведывательный спутник опустился еще на десять километров, и в этот момент его чувствительные датчики зафиксировали слабый источник радиоактивности к северу от истоков Печоры. Бортовая ЭВМ тут же провела сравнение обнаруженного источника с имеющимися в памяти компьютера данными. Результат сравнения оказался отрицательным. Никаких источников радиоактивности в данном районе ранее не регистрировалось. Спутник продолжил свое движение к перигею, а его бортовая ЭВМ начала расчет траектории новой орбиты. На следующем витке включились тормозящие двигатели «Тритона». Над Атлантикой спутник сделал глубокий нырок и вновь пролетел над Печорой уже на высоте двухсот километров. Обнаруженный источник радиоактивного излучения никуда не исчез, а лишь сместился к северо-западу. Замеры уровня бета- и гамма-излучения показали, что источником регистрируемой радиоактивности является головная часть российской межконтинентальной баллистической ракеты «Тополь-М». В тот же момент спутниковая фотокамера произвела несколько снимков новой цели, которая впоследствии была идентифицирована как передвижной комплекс межконтинентальной баллистической ракеты, сокращенно ПКМБР, получивший в отчетах ЦРУ кодовое обозначение «Гризли»⁴.

⁴ Гризли – североамериканский подвид бурого медведя.

Штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли, штат Виргиния

3.05, пятница, 11.04

– Надеюсь, нет необходимости объяснять, что после официального заявления Президента о необходимости создания национальной системы противоракетной обороны сбор информации о ракетных войсках и перспективных ракетных системах потенциальных противников становится приоритетной задачей всего разведывательного сообщества Соединенных Штатов?⁵

Руководитель межведомственной группы по разведке, он же первый заместитель директора ЦРУ, обвел пристальным взглядом всех присутствующих на совещании. Реакция участников совещания оказалась вполне прогнозируемой. Все внимательно следили за выступлением руководителя рабочей группы, чутко вслушиваясь в каждое сказанное им слово. Это всегда льстило его самолюбию. Но еще больше он дорожил вниманием людей, не связанных с ним служебными отношениями. Для первого заместителя директора ЦРУ это являлось наглядным доказательством его интеллектуального превосходства. Сейчас как раз был один из таких моментов. Руководители отдельных спецслужб, входящих в разведывательное сообщество Соединенных Штатов, независимы от директора Центрального разведывательного управления и не подотчетны ему. Тем не менее они очень внимательно слушали его выступление.

Удовлетворив свое самолюбие, замдиректора ЦРУ намеревался продолжить начатый доклад, но в этот момент рядом с командующим войсками специального назначения заметил своего подчиненного, возглавляющего отдел специальных операций. Вместо того, чтобы следить за выступлением своего начальника, тот откровенно разглядывал участников совещания. Наглядно демонстрируемое подчиненным пренебрежение к его персоне неприятно укололо заместителя директора ЦРУ. И лишь высокое должностное положение остальных участников совещания удержало первого заместителя директора от того, чтобы сделать наглецу публичное замечание.

Полковник Эдвард Греймс, вызвавший своим поведением раздражение у своего шефа, не был искушен в кабинетных интригах. Все его знания и навыки имели совсем другую направленность: незаметно преодолеть систему минных полей и инженерных заграждений противника, бесшумно снять часового, допросить «языка» с применением «сыворотки правды»⁶ и методов «экстренного потрошения»⁷, отыскать замаскированные командные пункты и стартовые позиции баллистических или крылатых ракет с целью их последующего уничтожения.

Профессиональный диверсант и опытный командос – Греймс лишь четыре года назад перешел на службу в ЦРУ из разведуправления министерства обороны. Большая часть его службы прошла на секретных базах американской военной разведки, в лагерях повстанцев или резиденциях марионеточных диктаторов, поддерживаемых американским правительством. В зависимости от обстоятельств и интересов Соединенных Штатов, Греймс выступал в роли военного советника, инструктора или командира диверсионно-разведывательного отряда. Он

⁵ Согласно исполнительному приказу президента Р. Рейгана № 12333 от 4.12.1981 г., в состав разведывательного сообщества Соединенных Штатов входят: Центральное разведывательное управление США (ЦРУ), Агентство национальной безопасности (АНБ), Разведывательное управление министерства обороны (РУМО), Бюро разведки и исследований государственного департамента, Федеральное бюро расследований (ФБР), Управление национальной аэрокосмической разведки, разведывательные отделы министерства финансов и министерства энергетики, разведывательные службы армии, ВВС, ВМС и корпуса морской пехоты.

⁶ «Сыворотка правды» – общее название психотропных средств, подавляющих волевые качества организма и позволяющих получать правдивые ответы на задаваемые вопросы (проф. сленг).

⁷ «Экстренное потрошение» – проведение спешного допроса, как правило, с применением насилия, с целью получения стопроцентно правдивой информации (проф. сленг).

являлся разработчиком и непосредственным участником многих тайных операций американской разведки, в разное время проведенных в Мозамбике, Анголе, Эфиопии, Алжире, Никарагуа, Китае, Афганистане, Ираке, Северной Корее, Югославии и на Ближнем Востоке. В данный список входил также и Советский Союз, а после его распада – Россия и несколько стран СНГ. Несмотря на свои боевые заслуги, отмеченные орденами и медалями конгресса и правительства Соединенных Штатов, на совещании межведомственной группы по разведке, созданной при Совете национальной безопасности, полковник Греймс оказался впервые, поэтому с нескрываемым интересом всматривался в лица участников совещания.

Итак, Джобс – первый заместитель директора, напыщенный индеец, который никогда не работал в «поле», а сделал свою карьеру лишь на одних аналитических прогнозах. (Как многие профессиональные диверсанты, Греймс презирал «кабинетных» разведчиков, никогда не сталкивающихся со смертельной опасностью, что ему самому приходилось испытывать не раз.) По правую руку от него должен сидеть директор АНБ, но этого типа Греймс не знал. Значит, Хейли прислал на совещание одного из своих заместителей. Позади него вообще какой-то хмырь в очках и мятом костюме. Скорее всего простой референт. Не может быть, чтобы заместитель директора Агентства имел такой жалкий вид. Кто у нас дальше? Старина Фаррел со своими замами из РУМО так и буравят Джобса преданными глазами. Фаррелу давно пора на пенсию, вот он и хочет своей преданностью шефу выторговать себе еще годик-другой спокойной службы. А замы, метящие на место Фаррела, тоже хотят продемонстрировать ему свою лояльность в надежде, что мнение Джобса сыграет определенную роль при выборе кандидатуры на должность начальника разведуправления. Греймс перевел свой взгляд дальше. Остальные, судя по всему, представители армейских разведслужб. Их он не знал, кроме Дика, который представляет спецназ Пентагона. Да, судя по всему, здесь подобралась довольно видная компания. Интересно, какой это глобальной проблемой собирается озадачить их Джобс? Впервые за время совещания полковник Греймс внимательно взглянул на своего прямого начальника и одновременно руководителя межведомственной рабочей группы.

– ...Система противоракетной обороны создается, в первую очередь, для защиты от стран-изгоев с антиамериканскими режимами, обладающими либо стремящимися к обладанию собственным ядерным оружием и средствами его доставки, – продолжал между тем первый заместитель директора ЦРУ. – Однако цель и задача системы ПРО намного шире. Это прикрытие территории Соединенных Штатов и особенно важнейших объектов от ядерного удара любой страны, от кого бы он ни исходил.

Полковник Греймс недовольно поморщился. Он не любил витиеватых рассуждений. Являясь большим специалистом по части проведения спешных допросов, Греймс признавал только конкретные вопросы, требующие таких же конкретных ответов.

– Если уж говорить о надежности системы ПРО, то следует иметь в виду отнюдь не страны-изгои с их слабым ядерным арсеналом, а прежде всего Россию. Ведь из всех потенциальных противников Соединенных Штатов именно Россия обладает наиболее совершенным ядерным оружием и средствами его доставки.

Полковник Греймс усмехнулся. Наконец-то его начальник озвучил то, что и так подразумевалось с самого начала. Какой смысл создавать широкомасштабную систему национальной противоракетной обороны, если она не в состоянии отразить ракетно-ядерный удар хотя бы одного из вероятных противников?

– Правительство, с одобрения конгресса, выделяет на программу национальной противоракетной обороны сотни миллиардов долларов. Правительство и Совет национальной безопасности не могут допустить, чтобы эти деньги были потрачены впустую. Поэтому Советом национальной безопасности перед разведкой поставлена задача собрать информацию, необходимую для создания надежной и эффективной системы ПРО. При этом особое значение придается информации о российских ракетных войсках стратегического назначения, а наивысший

приоритет имеют сведения о стоящих на вооружении и перспективных межконтинентальных баллистических ракетах русских.

Джобс нажал какую-то кнопку на своем столе, и часть стены за его спиной отъехала в сторону, а на ее месте остался белый матовый экран. В конференц-зале тут же погас свет, и на экране появилась проекция снимка тягача-носителя с баллистической ракетой.

– Вот снимок, сделанный вчера нашим разведывательным спутником «Тритон», – пояснил заместитель директора ЦРУ. – Это российская самоходная пусковая ракетная установка «Гризли». А на ней последняя разработка русских – межконтинентальная ракета «Тополь-М». В настоящий момент в России такими ракетами оснащены только два ракетных полка: один с ракетами шахтного базирования, второй с передвижными ракетными комплексами, такими, как этот. Но к 2010 году Россия планирует полностью оснастить свои стратегические ядерные силы ракетами «Тополь».

На этом собственные знания о ракетном комплексе «Тополь-М» у первого заместителя директора ЦРУ иссякли, и он обратился к начальнику Управления аэрокосмической разведки:

– Мистер Хьюз, прошу вас, объясните – какую угрозу для безопасности Соединенных Штатов представляет данная ракетная система.

Прежде чем произнести эту фразу, Джобс опять нажал какую-то кнопку на своем столе, и в конференц-зале вновь зажегся свет. На просьбу председательствующего откликнулся человек, которого полковник Греймс ошибочно принял за одного из заместителей директора АНБ:

– Лучше всего об этом расскажет эксперт лаборатории баллистики – мистер Паркер.

Представив своего помощника, начальник Управления аэрокосмической разведки сел на место, зато со своего кресла робко встал сидящий за его спиной человек в круглых очках и мятом костюме. При виде его Эдвард Греймс презрительно усмехнулся. Недавний командир отряда командос испытывал почтение перед физической силой, ловкостью и военной выправкой. Неопрятные и неряшливо одетые люди вызывали у него отвращение. По мнению полковника Греймса, эти ученые умники и прочие подобные им яйцеголовые не имели права называться разведчиками.

Тем временем представленный эксперт выбрался из-за стола, подошел к стоящей в конференц-зале пластиковой доске и взял в руки лежащий возле нее черный маркер.

– Российская ракета «Тополь-М» относится к классу ракет-носителей последнего, четвертого поколения, – начал он свое выступление. – Она универсальна и может размещаться как в шахте, так и на тягаче-транспортёре. Активный участок⁸ полета российский «Тополь» преодолевает всего за пятьдесят секунд, в то время как у наших ракет время разгона до конечной скорости в четыре раза больше.

– Не нужно заниматься сравнениями! – перебил эксперта заместитель директора ЦРУ. – Предоставьте это право специалистам-ракетчикам. Просто разъясните – какую опасность будет представлять этот «Тополь», если он достигнет территории Соединенных Штатов.

– Сокращение времени полета на активном участке – не единственное, чего удалось добиться русским.

Высказанное заместителем директора ЦРУ замечание отнюдь не смутило эксперта Управления аэрокосмической разведки. Начав говорить, он полностью справился со своим первоначальным волнением. Чувствовалось, что эксперт досконально владеет вопросом. Наблюдая за его реакцией на замечание председательствующего, полковник Греймс снова усмехнулся, на этот раз одобрительно.

– По сравнению с межконтинентальными ракетами предыдущих типов «Тополь-М» может нести на себе куда большую полезную нагрузку. Согласно нашим расчетам, головная

⁸ Активный участок – часть траектории, где за счет работы маршевых двигателей ступеней ракеты производится ее разгон до конечной скорости (6 – 7 км/с).

часть этой ракеты представляет собой платформу, несущую помимо ядерной или термоядерной боеголовки... – с этими словами Паркер ловко нарисовал на демонстрационной доске цилиндр, обозначив его символом «радиационная опасность», – порядка десяти ложных целей, которые полностью имитируют боеголовку при входе в атмосферу. – Вокруг уже нарисованного цилиндра появился второй, который эксперт разделил маркером на десять сегментов. – А также до сотни, и даже более, упрощенных ложных целей.

Эксперт взял в руки поролоновую губку и с ее помощью быстро стер с доски свой чертеж, но лишь для того, чтобы освободить место для другого рисунка. Новый рисунок Паркера оказался куда более наглядным. К слегка закругленной линии, обозначающей земную поверхность, приближался закрашенный черным маркером конус в окружении еще десяти незакрашенных.

– В качестве таких ложных целей могут использоваться, к примеру, надувные тонкостенные металлические баллоны или обыкновенные шары из металлизированной пленки, причем внутри таких баллонов могут размещаться и сами боеголовки. – Паркер густо покрыл свой рисунок кругами, соизмеримыми по размеру с ранее изображенными конусами, после чего повернулся к присутствующим. – Как видно даже из моей весьма упрощенной схемы, при таком ракетном ударе перед обороной встает дилемма: уничтожать все цели без разбора или предварительно провести их селекцию, выделив из всей массы ложных целей истинную боеголовку. – Маркер эксперта уперся в закрашенный конус на его чертеже. – Обе задачи на сегодняшний день одинаково неразрешимы, – закончил свое выступление эксперт лаборатории баллистики.

Но заместитель директора ЦРУ не желал, чтобы прозвучавший доклад закончился на такой пессимистичной ноте, и поэтому спросил:

– Что вы делаете для их решения?

Стоящий у демонстрационной доски эксперт несколько растерялся. Прозвучавший вопрос явно выходил за пределы его компетенции. На помощь Паркеру пришел начальник развед-управления министерства обороны:

– Программа создания национальной противоракетной обороны предполагает развертывание целой сети радиолокационных станций дальнего обнаружения. Мы сможем наблюдать за ракетами противника с момента разделения их головных частей и соответственно корректировать наведение противоракет.

«Что за бред?! – мысленно усмехнулся полковник Греймс. – Или старик совсем выжил из ума, или он настолько хочет отличиться перед Джобсом, что совершенно забыл о здравом смысле? Даже идиоту ясно, что сбить противоракетой любую летящую цель можно только тогда, когда она приблизится к воздушной границе, то есть уже практически над территорией Америки. Но когда к границе приближаются сотни воздушных целей, сбить все, как уже сказал этот очкастый умник, практически невозможно».

Заместитель директора ЦРУ рассуждал аналогичным образом, поэтому тут же задал генералу Фаррелу новый вопрос:

– Какой процент целей удастся сбить в этом случае?

– Полагаю, до пятидесяти процентов, – честно ответил начальник военной разведки.

– Значит, с тем же успехом вы можете и сбить боеголовку, и пропустить ее! – подвел итог Джобс. – Мистер Паркер, какой ущерб Соединенным Штатам может нанести взрыв термоядерной боеголовки?

– Мощность термоядерного заряда составляет от одной до нескольких десятков мегатонн. Взрыв даже минимального заряда полностью уничтожит средний американский город. Десятимегадонный взрыв разрушит крупный мегаполис, такой, как Нью-Йорк или Вашингтон. Но основная опасность кроется даже не в этом...

Заместитель директора ЦРУ изумленно поднял брови. Что может быть страшнее разрушения Вашингтона?

– Отражение атаки большого числа ложных целей значительно истощит оборонительный ресурс противоракетной системы. Поэтому при отражении второго ракетного удара удастся сбить уже не более десяти процентов целей, – пояснил эксперт-баллистик. – Думаю, следует все же идти не по пути уничтожения максимального числа атакующих целей, а по пути их селекции. Если бы нам изначально было известно расположение истинной боеголовки на несущей платформе по отношению к имитаторам, то, наблюдая за моментом разделения головной части ракеты, мы смогли бы сразу вычленив боеголовку из массы ложных целей. Но к сожалению, наши разведывательные спутники, наблюдающие за российскими баллистическими ракетами, не в состоянии решить данную задачу.

«А этот Паркер молодец – сразу ухватил суть проблемы, или эта мысль пришла ему в голову еще раньше», – одобрительно подумал Греймс. В перерыве совещания он разыскал эксперта лаборатории баллистики и обратился к нему с вопросом:

– Мистер Паркер, когда вы сказали, что наши спутники не могут заглянуть внутрь российской ракеты, вы имели в виду, что у нас нет соответствующей аппаратуры?

В ответ Паркер грустно усмехнулся:

– Что вы, аппаратура есть, просто провести сканирование из космоса невозможно. В режиме панорамного обзора наши спутники проходят на высоте трехсот пятидесяти километров над Землей, в лучшем случае они могут опуститься до двухсот. А для снятия рентгенограммы или ультразвукового сканирования необходим непосредственный контакт с изучаемым объектом.

– Ну а в случае, если такой контакт удастся обеспечить, сканирование возможно?

– Позвольте, что значит «удастся обеспечить»? – Паркер опешил. – Ведь речь идет о стратегической ракете!

– И все же, мистер Паркер? – Греймс неотрывно смотрел в глаза эксперту.

Паркер почувствовал, что у него вспотели подмышки. Пристальный взгляд незнакомого ему человека буквально обжигал эксперта. Словно под гипнозом, Паркер ответил:

– Да. Но на стартовой позиции ракета находится в пусковом защитном контейнере. Он будет мешать.

– Значит, придется вскрыть его. – Греймс моргнул. Его взгляд тут же утратил гипнотическую силу, а на лице появилась дружелюбная улыбка. – Надеюсь, вы поняли, мистер Паркер, что в нашем разговоре речь шла лишь о гипотетической возможности.

– Да, я понял, – не очень уверенно ответил эксперт.

Правительственная зона штата Виргиния

15.10

Черный бронированный «Кадиллак» миновал шлагбаум, перекрывающий въезд на охраняемую территорию штаб-квартиры ЦРУ, и неспешно покатил в сторону американской столицы. На заднем сиденье «Кадиллака» удобно расположились командующий войсками специального назначения бригадный генерал Ричард Паттон и бывший командир отряда командос полковник Греймс, возглавляющий ныне отдел специальных операций ЦРУ. Такое соседство сотрудников двух разных ведомств объяснялось просто. До перехода в ЦРУ Греймс более пятнадцати лет прослужил в войсках специального назначения под командованием генерала Паттона. За это время они тесно сдружились, что позволяло полковнику Греймсу в обход правил субординации напрямую обращаться к своему бывшему командиру.

Когда придорожные вековые деревья полностью заслонили оставшееся позади семиэтажное здание ЦРУ, генерал Паттон нажал кнопку стеклоподъемника, и поднявшееся из ниши звуконепроницаемое полторасантиметровое стекло отделило водительское место от пассажирского салона. Паттон резко повернулся к своему соседу:

– Тебя вообще нельзя пускать на подобные совещания! После них ты начинаешь нести настоящий бред! Или ты вообразил, что из уважения к нашей дружбе я буду всерьез рассматривать предложенную тобой авантюру?!

– Это не бред и не авантюра, – терпеливо возразил бригадному генералу полковник Греймс. – Для построения надежной системы ПРО нам необходимо знать начинку головной части основной стратегической ракеты русских. И в разговоре с экспертом я выяснил способ решения этой задачи.

– Ты выяснил способ?! – От волнения Паттон даже всплеснул руками. – Уж не думаешь ли ты, что я пошлю своих парней захватить одну из стратегических ракет русских, а потом переправить ее в Штаты?!

– Кто говорит о переправке ракеты? Просканировать ее головную часть можно и на месте, – с нарочитым спокойствием ответил Греймс.

Несколько секунд генерал Паттон молча смотрел на своего бывшего подчиненного, после чего заметил:

– Эдвард, ты совсем потерял счет времени. Твои методы были хороши для времен Карибского кризиса и эпохи «холодной войны».

По мере того как говорил Паттон, глаза полковника Греймса наливались злобой. И когда бригадный генерал замолчал, бывший командир командос резко сказал:

– Когда разразился Карибский кризис, мне было восемь лет, но я до сих пор не могу забыть, как Советский Союз оттрахал Америку. Идя на уступки Москве, мы оставили Кастро на Кубе и убрали свои ракеты с границ Советского Союза. Это было публичное траханье, Дик. Но Америка не пережила бы такого позора, если бы наши политики, во главе с президентом, не оказались чистоплюями, а поручили разрешение возникшей проблемы военным.

– Эдвард, не забывай – мы заставили русских убрать свои крылатые ракеты с Кубы. – Генерал Паттон повысил голос. – Мы спасли мир и обеспечили безопасность Америки.

– Заставили русских убрать с Кубы крылатые ракеты, – с презрительной улыбкой повторил Греймс. – Зато теперь они создали ракету, которая через пятнадцать минут после старта может в пыль разнести Вашингтон. Разве Америка после этого стала чувствовать себя в большей безопасности? Дик, когда ты идешь на охоту, разве ты пытаешься договориться с дичью? Нет, ты берешь в руки ружье и стреляешь. Так и с русским медведем. Раз его невозможно приручить, его следует пристрелить!

– Эдвард, подумай о внешнеполитических последствиях своей авантюры. Предлагаемая тобой акция вызовет грандиозный международный скандал и приведет к разрыву дипломатических отношений между Россией и Соединенными Штатами.

Генерал Паттон все еще пытался переубедить своего недавнего подчиненного, но Греймс ничего не желал слушать.

– По всему миру ежегодно в разных странах разоблачаются американские агенты. Разве это привело к разрыву дипломатических отношений хотя бы с одной из этих стран? И потом, предстоящую акцию можно спланировать так, что в случае ее провала наше правительство сможет правдоподобно отрицать ответственность за нее. Например, мы могли бы использовать не твоих командос, а профессиональных наемников. Этим людям чужды мораль и патриотизм. Правда, они берут за свою работу деньги, и деньги немалые, но я полагаю – ключевая информация, необходимая для создания национальной системы ПРО, того стоит.

Ричард Паттон окончательно понял, что разубедить Греймса ему не удастся. Тот попросту не воспринимает его доводы.

– Я вижу, что дальнейший разговор на эту тему не имеет смысла, – с огорчением заметил бригадный генерал. – Поэтому, как командующий войсками специального назначения, я официально заявляю – я никогда не отдам приказ о проведении подобной акции.

В ответ Греймс лишь усмехнулся:

– Что ж, Дик, ты сменил армейскую палатку и вырытый в земле блиндаж на служебные апартаменты, и сидишь ты сейчас не на жестком гранатном ящике, а на мягком сиденье своего персонального «Кадиллака». Да, Дик, ты многое приобрел. – Греймс похлопал рукой по обшивке кожаного сиденья. – Но ты потерял главное, – указательный палец командира командос нацелился в переносицу бригадного генерала, – хватку! К счастью, ты не единственный, кто принимает решения в этой стране.

Греймс выглянул в окно. За стеклом «Кадиллака» проносились деловые кварталы Вашингтона.

– Прикажи своему водителю остановить машину. Я выйду здесь, – обратился он к Паттону.

Выбравшись из «Кадиллака», Греймс подождал, когда машина бригадного генерала скроется из виду, после чего достал трубку своего мобильного телефона и позвонил в приемную первого заместителя директора ЦРУ.

– Это полковник Греймс, – представился он. – Мне необходимо срочно встретиться с мистером Джобсом.

Побережье Южно-Китайского моря

4.05, суббота, 04.30

Небольшая надувная лодка бесшумно скользила по морской поверхности в сторону берега. Два человека, прижавшиеся к ее бортам, синхронно взмахивали короткими, напоминающими саперные лопатки веслами. Один мощный гребок, и лодка приближается к берегу еще на пару метров. Гребцы сделали уже около сотни таких гребков. Их лица и оголенные по локоть руки покрывали крупные капли пота, но гребцы не чувствовали усталости. У обоих за плечами остались десятки морских миль, пройденных в подобном режиме на плановых занятиях по гребле и во время тренировочных операций в особом учебном центре «морских тюленей» – бойцов специального подразделения Военно-морских сил США. Но эта операция боевая. Поэтому оба гребца стараются как можно тише опускать весла в морскую воду. В то же время командир разведгруппы, расположившийся в носовой части лодки, настороженно ощупывает взглядом враждебный берег, а его указательный палец лежит на спусковом крючке штурмового пистолета-пулемета «карбон-15»⁹.

Время высадки выбрано оптимально. Уже достаточно светло, чтобы не заблудиться в прикрывающих береговую линию мангровых зарослях¹⁰, и в то же время солнце еще не поднялось над горизонтом, поэтому деревья и приближающаяся к берегу надувная лодка с тремя «тюленями» не отбрасывают тени. Но в тропиках рассветы быстрые. Уже через несколько минут на берегу будет светло как днем, поэтому «тюленям» приходится спешить. Когда солнечный диск оторвался от горизонта, их надувная лодка достигла первых мангровых деревьев. Однако командир разведгруппы не дал своим людям отдышаться и направил лодку вдоль береговой линии. Теперь уже не только командир, но и гребцы всматривались в мангровые заросли, стараясь отыскать среди них проход к берегу. Достаточно широкий проход, чтобы через него смогла пройти надувная лодка, удалось найти только с третьей попытки, но наконец нос лодки ткнулся в прибрежный песок. Командир разведгруппы, а за ним и гребцы осторожно выбрались на берег. Все снаряжение из лодки тут же перекочевало на спины «тюленей». Опустевшую лодку командир разведгруппы вместе с одним из своих гребцов отбуксировали по воде к ближайшему разросшемуся мангровому дереву и надежно замаскировали ее среди его многочисленных воздушных корней. Если предстоящая операция пройдет успешно, они успеют вернуться к лодке еще до отлива, если нет – лодка им уже не понадобится.

Сверившись с картой, командир тройки «тюленей» определил направление движения, и разведчики друг за другом двинулись к подступающим к берегу джунглям. Они углубились в джунгли, но уже через сотню метров идущий впереди командир группы вынужден был остановиться, обнаружив перед собой участок свежезрыхленной земли. Прямо на деревьях, подступающих к границе участка, в несколько рядов была натянута тонкая проволока. При более внимательном осмотре проволочного ограждения обнаружилась и табличка, сделанная на вьетнамском языке, с предупреждением о том, что территория за проволочным ограждением заминирована.

Командир разведгруппы сделал условный жест, и один из его «тюленей» тут же расчехлил переносной миноискатель. Второй «тюлень» тем временем перерезал нижнюю проволочную нить, и через проделанный проход вся тройка разведчиков проникла на минное поле. Теперь впереди шел «тюлень» с миноискателем, за ним его напарник, замыкал цепочку командир раз-

⁹ «Карбон-15» – пистолет-пулемет калибра 5,56 мм под стандартный патрон НАТО для штурмовых винтовок.

¹⁰ Заросли вечнозеленых деревьев и кустарников с надземными дыхательными корнями. Характерны для приливно-отливной полосы илистых побережий тропиков.

ведгруппы. Через пять шагов сапер остановился, предупредительно поднял руку и свернул в сторону. Но уже на втором шаге земля под его ногами осыпалась, и сапер, нелепо взмахнув руками, провалился в тщательно замаскированную яму-ловушку. В тот же миг справа, в десяти метрах от «тюленей», словно из-под земли выросли два человека. Своей комплекцией они ничуть не уступали бойцам американского спецназа, что никак не соответствовало представлению «тюленей» о малорослых вьетконговцах. Командир разведгруппы проворно развернул в сторону появившихся противников свой пистолет-пулемет и нажал на спуск. Его подчиненный оказался не столь проворен. Пока он оценивал ситуацию, один из появившихся на минном поле направил на него ручной однозарядный гранатомет. Очередь пистолета-пулемета и выстрел гранатомета прозвучали практически одновременно. Но из раструба гранатомета вылетела не граната, а крупноячеистая капроновая сеть, накрывшая второго «тюленя». Он еще успел дернуть руками, пытаясь достать оружие, но сделанная на совесть ловчая сеть лишь плотнее облепила фигуру спецназовца. Сообразив, что с каждым неловким движением он запутывается еще больше, «тюлень» оставил бесполезный в данном случае пистолет-пулемет и схватился за рукоятку десантного ножа, чтобы с его помощью перерезать тугие капроновые нити. Но в этот момент к «тюленю» подскочил стрелявший в него противник и своим использованным гранатометом нанес спецназовцу сокрушительный удар по голове. Последнее, что успел увидеть «тюлень» перед тем, как потерять сознание, было лицо врага – не желтолицая физиономия вьетконговца, а загорелое лицо белого человека...

Командир разведгруппы выпустил очередь прямо в живот ближайшему к нему противнику, но каким-то чудом тот успел уклониться. Он бросился на землю, перекувырнулся через правое плечо и вновь вскочил на ноги прямо перед командиром «морских тюленей». Только в этот момент командир разведгруппы сообразил, что на минном поле нет никаких мин, а вместо них в землю зарыты безобидные металлические болванки, но это уже ничего не решало. Командир «тюленей» не успел даже встать в боевую стойку. Его противник, оказавшийся намного проворнее, ударил носком своего армейского ботинка по правой руке командира разведгруппы. Удар пришелся точно в кистевой сустав, искалеченная кисть тут же потеряла всякую чувствительность, и онемевший палец соскользнул со спускового крючка. Противник поддел ногой выпавший из рук «тюленя» пистолет-пулемет и отшвырнул его в сторону. Он не торопился нанести последний, завершающий удар, явно наслаждаясь беспомощностью обезоруженного спецназовца. Но командир разведгруппы одинаково умело владел и левой, и правой рукой. Даже с одной здоровой рукой он представлял серьезную опасность. Воспользовавшись заминкой своего противника, командир «тюленей» развернулся в боевую стойку и одновременно выдернул из ножен свой армейский нож. Его лезвие тут же нацелилось в грудь наступающему противнику. Тот отреагировал по-своему. Заметив в левой руке командира «тюленей» армейский нож, он отпрянул назад и молниеносным движением выхватил из ножен за своей спиной настоящий абордажный тесак. Его противник в жизни не встречал такого огромного ножа, больше похожего на меч. Он являлся точной копией абордажного ножа морских пиратов, промышлявших в Южно-Китайском море во времена парусных галеонов. Чтобы управляться с таким специфическим оружием, требуется специальная подготовка, и у человека с абордажным ножом она, судя по всему, была. Он сделал ложный выпад, легко уклонился от выброшенной вперед руки командира «тюленей» и, взмахнув своим ножом, оставил на локте морского спецназовца глубокий кровотокающий порез. Тот слизнул языком выступившую на локте кровь, но не бросил оружия и, собравшись с силами, повторил бросок, целясь в горло своему противнику. Но вновь армейский нож лишь рассек воздух. Противник спецназовца сместился в сторону и, пропустив «тюленя» перед собой, перехватил рукой его горло, при этом лезвие абордажного ножа оказалось у спецназовца под подбородком. Его противник слегка шевельнул рукой, заточенная как бритва кромка абордажного ножа впилась в кожу. Командир

разведгруппы «тюленей» почувствовал, как струйка теплой крови стекает ему за шиворот, и услышал у себя над ухом грозный шепот:

– Бросай перо, если не хочешь, чтобы я тебе глотку перерезал.

Для большей ясности враг снова шевельнул лезвием абордажного ножа, и по шее командира «тюленей» сбежала вторая струйка крови. Обычно в таких ситуациях требуют бросить оружие, но захвативший его противник говорил о каком-то пере. Командир разведгруппы замешкался. Человек с абордажным ножом расценил это по-своему. Он убрал нож с горла своего врага, но лишь затем, чтобы обрушить его тяжелую рукоятку на затылок морскому спецназовцу. Однако он точно знал, как следует наносить удар. Затылочная кость не раскололась, сохранив от повреждений нежное вещество мягкой мозговой оболочки, не лопнул мозговой сосуд, соответственно не вызвав инсульт и последующий паралич. Командир разведгруппы «морских тюленей» остался жив и даже не стал инвалидом, но, потеряв сознание, бесчувственным кулем свалился к ногам противника.

* * *

Сначала он почувствовал холод. Потом сообразил, что по лицу стекают струи холодной воды, и только после этого открыл глаза. Напротив стоял широкоскулый коренастый человек в пятнистом армейском комбинезоне и ехидно улыбался. В руках у широкоскулого было ведро, из которого он и окатил своего пленника.

Сразу же вернулась боль. Боль была по всему телу, но особенно болели руки. Скосив глаза в сторону, командир «морских тюленей» обнаружил, что его руки туго привязаны сыромятными ремнями к горизонтальной жерди. Сама жердь перегораживала вырытую в земле глубокую яму, ее концы были воткнуты прямо в земляные стены. Сначала командир «тюленей» решил, что находится в зиндане – земляной яме-тюрьме, широко используемой для содержания пленников на Ближнем да и на Дальнем Востоке. Но, как следует осмотревшись по сторонам, он сообразил, что это скорее не зиндан, а блиндаж, так как яма имела вырытые в земле ступеньки для выхода на поверхность, а под потолком, сложенным из срезанных веток и лиан, висел керосиновый фонарь. Заметив осмысленный взгляд командира разведгруппы, человек в пятнистом армейском комбинезоне что-то сказал. Командир «морских тюленей» ничего не понял, так как фраза прозвучала на непонятном ему языке. Однако в ней присутствовало что-то пугающе знакомое. Широкоскулый человек говорил не по-вьетнамски и не по-китайски, а... Он говорил по-русски! К горлу подступил комок. Командир разведгруппы с ужасом понял, что угодил в руки российских военных советников. При планировании разведывательной операции на вьетнамском побережье Южно-Китайского моря такая встреча не исключалась, хотя во всех аналитических расчетах ее вероятность признавалась крайне незначительной.

«Сейчас бы сюда тех, кто составлял эти расчеты!» – с бессильной злобой подумал командир разведгруппы. Продолжить свою мысль американский спецназовец не успел, так как по ступенькам в блиндаж быстро спустился тот, кто обезоружил его. Сейчас командир «тюленей» сумел хорошо разглядеть своего недавнего противника. По сравнению с вьетконговцами он был просто великаном, никак не ниже ста восьмидесяти сантиметров. Российский военный советник оказался одет в такой же маскировочный комбинезон, что и его напарник. Под одеждой невозможно было разглядеть его мускулатуру, но командир «тюленей» обратил внимание на широкие плечи и чрезвычайно длинные руки русского, позволяющие тому очень ловко обращаться с холодным оружием. Его устрашающего вида нож опять был при нем, только на этот раз он без всяких ножен висел на поясе, продетый в страховочное кольцо.

Российские советники обменялись парой фраз на своем языке, после чего советник с абордажным ножом развернулся к пленнику и без всяких слов впечатал носок своего ботинка

тому в пах. Страшная судорога скрутила американскому спецназовцу живот. Он утробно захрипел и, не сумев справиться с приступом тошноты, выплюнул себе на грудь сгусток желчи.

– Блюешь? – по-английски произнес русский с абордажным ножом. – А крови нет, странно.

Он снял с пояса свой огромный нож и, эффектно взмахнув им в воздухе, прижал лезвие к паху командира «тюленей».

– Жить хочешь? Тогда рассказывай – какое у вас было задание.

С этими словами советник начал делать лезвием ножа пилообразные движения. Спецназoveц почувствовал, как остро отточенная сталь разрезает ткань его десантного комбинезона, грозясь добраться до нежной кожи мошонки.

– Тебе лучше признаться до того, как я отпилю тебе яйца, – равнодушным голосом сообщил российский советник, при этом его нож не останавливался ни на секунду.

После очередного движения ножа особо прочная ткань десантного комбинезона треснула и разошлась в стороны. Теперь лезвие пилило хлопчатобумажные плавки американского «тюленя». Плавки разъехались уже на третьем движении, и острие ножа зацепило съежившуюся от страха мошонку. На лезвие упали первые капли крови, а следом за ними хлынул настоящий поток, когда судорога страха выжала из мочевого пузыря его содержимое. Русский брезгливо поморщился и поспешно отдернул свой мокрый, пахнущий мочой нож.

– Не терплю вони, – продолжая говорить по-английски, сообщил он своему широкоскулому напарнику. – Пойду поговорю с его людьми, думаю – они окажутся более разговорчивыми. А ты пока займись нашим гостем.

Отдав приказание, садист с абордажным ножом легко взбежал по ступеням блиндажа, а командир разведгруппы остался один на один с широкоскулым.

– Тебе лучше не злить Ивана, – ехидно улыбаясь, сообщил широкоскулый. – Тех, кто злит Ивана, он разрезает своим большим ножом на маленькие кусочки.

Словно в подтверждение его слов, неподалеку от блиндажа раздался жуткий предсмертный крик агонизирующего человека. Крик продолжался три или четыре секунды, но за это время командиру «морских тюленей» показалось, что прошла целая вечность. Американский спецназoveц знал разнообразные методы «экстренного потрошения», но все равно не смог представить, что нужно сделать с человеком, чтобы он так закричал.

– Ну вот, кто-то из твоих бойцов Ивану решительно не понравился, – прокомментировал раздавшийся крик широкоскулый военный советник.

Сам Иван появился в блиндаже примерно через минуту. Он спустился по земляной лестнице, крепко сжимая в руке свой абордажный нож. А вокруг ножа и вокруг руки Ивана до самого локтя были намотаны только что вырезанные из тела кишки. С кишок обильно капала свежая кровь. Этой кровью была забрызгана вся одежда военного советника и его лицо, руки же сплошь покрывала вязкая кровавая масса. Иван остановился напротив командира разведгруппы и, взмахнув рукой, стряхнул к ногам «тюленя» бухту окровавленных кишок. Палач что-то сказал, но спецназoveц не разобрал слов, его мутило. Тело скрутила новая судорога, он едва успел раскрыть рот, чтобы не захлебнуться подступившей к горлу блевотиной. Рвотная масса выплеснулась наружу, прямо на кучу свежей, пахнущей кровью плоти, но несколько капель оторгнутой желчи попали на лицо палача. В глазах садиста вспыхнула ярость, он с силой вонзил свой нож в земляную стену и освобожденной рукой нанес пленнику сокрушительный удар в область печени. Чудовищная боль пронзила тело «морского тюленя», его глаза закатились, и он вновь потерял сознание.

База ВМС США, остров Лусон Филиппинского архипелага 5.05, воскресенье, 19.20

От живой изгороди к коттеджу вела идеально выровненная дорожка, присыпанная белым морским песком. «Как контрольно-следовая полоса», – подумал полковник Греймс, глядя на остающиеся позади себя четкие отпечатки. Всю свою жизнь служа разведывательному сообществу Соединенных Штатов, Греймс старался не оставлять следов, и сейчас отпечатки его собственных туфель на белом песке несколько испортили полковнику настроение.

Входная дверь коттеджа оказалась закрытой, жалюзи на окнах опущены, но с заднего двора в небо поднимался легкий дымок, и Греймс решил, что хозяин дома находится там. С заметным облегчением полковник сошел с песчаной дорожки и вступил на аккуратно подстриженный газон, намереваясь обогнуть дом. Коттедж, одноэтажное бунгало с черепичной крышей, несмотря на аккуратность и добротность постройки, выглядел неуютно. Просто качественный казенный дом, в котором напрочь отсутствует дух его хозяина. Такое же впечатление производил и участок возле дома. Никаких насаждений или дворовых построек. Один сплошной зеленый газон, кое-где пересекаемый песчаными дорожками, да полутораметровая живая изгородь по его периметру, образованная зарослями какого-то колючего местного кустарника. Когда Греймс проходил мимо изгороди, то заметил четырехсантиметровые острые шипы, имеющие даже более устрашающий вид, чем колючая проволока. Зная характер хозяина дома, Греймс не удивился, если бы узнал, что среди зарослей кустарника проходят растяжки противопехотных мин.

Обойдя бунгало и оказавшись на заднем дворе, полковник Греймс наконец увидел того, кого искал. Хозяин коттеджа стоял перед переносной жаровней для барбекю (от нее-то и поднимался в небо замеченный Греймсом дымок) и раскладывал на решетке крупные куски мяса. Казалось, он настолько сосредоточен на своем деле, что ничего не замечает вокруг. Пользуясь моментом, Греймс попытался скрыть свое появление. Трава практически полностью гасила звуки его шагов, и полковник решил, что сможет неслышно подкрасться к хозяину коттеджа, готовя ему сюрприз. Тем не менее человек возле жаровни каким-то непостижимым образом заметил появление незваного гостя и резко развернулся в его сторону. При этом обоюдоострый метательный нож, которым он пользовался для переворачивания поджаривающегося мяса, хищно нацелился в грудь полковника Греймса. Но уже в следующее мгновение по лицу человека с ножом пробежала тень узнавания, занесенная для броска рука расслабленно опустилась, а губы разъехались в снисходительной улыбке.

– Когда-нибудь вы доиграетесь со своими сюрпризами, и кто-нибудь из ваших прежних знакомых с не столь быстрой реакцией всадит вам пулю между глаз или нож между ребер.

– Не беспокойся за меня, Стен. – Греймс тоже улыбнулся в ответ. – Когда у кого-то из моих знакомых ослабевает реакция, я немедленно прекращаю с ним всякие отношения. Но к тебе это, понятное дело, не относится.

С хозяином коттеджа главный разработчик диверсионно-разведывательных операций ЦРУ был знаком без малого уже два года. В особо откровенных беседах это позволяло Греймсу на правах старшего по возрасту и занимаемой должности переходить на «ты», чтобышний раз подчеркнуть доверительность установившихся между ними отношений. Но в этот раз хозяин коттеджа не поддержал предложенную манеру обращения.

– Иными словами, вы хотите сказать, что у вас есть для меня работа? – задал он гостю прямой вопрос.

– Расслабься, Стен! Почему я не могу зайти к тебе просто как к другу?! Между прочим, у меня есть для тебя подарок. – С этими словами Греймс развернул бумажный пакет, который держал в руках, и достал оттуда красочную коробку с бутылкой виски. – Это настоящее американское виски! Такого здесь не найти даже в Маниле, – добавил он.

Брови хозяина коттеджа изумленно взлетели вверх. За весь двухлетний период его знакомства с полковником Греймсом это был первый случай, когда тот явился с подарком. «Значит, ты прилетел из Вашингтона на Филиппины только для того, чтобы вручить мне бутылку американского виски? – мысленно усмехнулся хозяин, забирая у гостя подарок. – Не держи меня за идиота. Просто на этот раз тебе действительно потребовалось от меня нечто особенное». Однако вслух он сказал совсем другое:

– Пужинаете со мной?

– Не откажусь, – кивнул Греймс.

Хозяин коттеджа переставил поближе к гостю свое раскладное туристическое кресло и установил перед ним такой же раскладной столик, на котором уже стояли три пластиковые одноразовые тарелки. Одна из них была пустая, на второй лежал батон белого хлеба, а на третьей вперемежку – перья зеленого лука, молодые побеги бамбука и нарезанные длинными тонкими ломтиками свежие огурцы. Между тарелками с хлебом и зеленью располагалась открытая банка острого соуса. Хозяин поднял с земли заранее принесенную из дома бутылку красного вина и тяжелый стеклянный стакан с широким основанием.

– У себя в доме я не пользуюсь столовыми приборами. – Он указал Греймсу на одиноко стоящую пустую тарелку. – Мясо сохраняет больше вкуса, когда его разрывают руками. Но если хотите, я вынесу для вас вилку и нож. Мне все равно придется идти в дом за вторым стаканом.

– А! Не нужно, – ответил Греймс и махнул рукой, демонстрируя тем самым свою солидарность со вкусовыми пристрастиями хозяина дома.

Когда тот принес недостающие стакан и тарелку и еще одно раскладное кресло, они с Греймсом сели к столу. Хозяин взял в левую руку нераспечатанную бутылку, правой подхватил с жаровни боевой нож и молниеносным движением снес бутылке горлышко.

– Браво, Стен! Ты не перестаешь меня удивлять, – искренне восхитился Греймс, глядя на идеально ровный скол бутылочного горла. – Но я считал, что русские предпочитают более крепкие напитки, – добавил он, указав рукой на бутылку подаренного виски, которую хозяин коттеджа так и оставил нераспечатанной.

– Вы хорошо знаете русских? – не преминул спросить хозяин, разливая по стаканам вино.

В ответ Греймс лишь неопределенно покачал головой и, чтобы сменить тему, сказал:

– Стен, давай, наконец, твое мясо. Мне уже не терпится его попробовать.

Хозяин коттеджа усмехнулся и, орудуя тем же ножом, как кулинарной лопаткой, ловко снял с решетки поджарившееся мясо и быстро разложил его по тарелкам. Греймс тут же отщипнул небольшой кусок и отправил его в рот.

– У-у, потрясающий стейк! – прожевав мясо, воскликнул он. – Ты прирожденный кулинар, Стен. Теперь я понимаю, почему ты не ходишь в армейскую столовую, а предпочитаешь обедать и ужинать дома.

– Личному составу базы наша работа как кость в горле, поэтому «циклопы» стараются избегать встреч с местными парнями, чтобы не провоцировать конфликты. Но я не хожу в столовую вовсе не поэтому. Просто самостоятельное приготовление пищи позволяет сэкономить деньги на бутылку хорошего французского вина. После ваших уроков хороших манер я стал эстетом, – добавил хозяин и усмехнулся.

Греймс же, наоборот, поморщился:

– Стен, сколько раз я просил тебя не называть себя так!

– А что, мне нравится.

Улыбка на лице хозяина стала еще шире, обнажив два ряда ровных белых зубов. При взгляде на этот хищный оскал и следы кетчупа на его губах и подбородке можно было без труда представить, что этот человек только что полакомился живой человеческой плотью.

– Мы же настоящие циклопы! Сидим у себя на острове и отлавливаем всякого, кто туда заплывет! – с воодушевлением продолжал хозяин. – А затем потрошим его!

С этими словами он вскочил на ноги, схватил со стола нож и несколько раз устрашающе взмахнул им.

– Между прочим, лейтенанту Менсону ты отбил печень, – заметил Греймс в ответ на энергичную жестикуляцию угощавшего его хозяина. – С такой травмой в подразделении «морских тюленей» его уже точно не оставят, а возможно, и вообще комиссуют из армии.

– Он сам виноват, – безапелляционно возразил Греймсу хозяин коттеджа. – Я не превысил силу допустимого удара, просто Менсон перетрусил. От страха он расслабил мышцы, вот и пропустил удар. Такому трусу не место в спецназе. Он же натурально обоссался, когда я пригрозил отрезать ему яйца.

Греймс кивнул:

– Я смотрел видеозапись допроса. Если честно, у меня создалось впечатление, что, если бы Менсон в тот момент не обмочился, ты бы действительно отрезал ему мошонку.

– Какой смысл сейчас об этом говорить? – возразил Греймсу его собеседник. – Главное, что я доказал полную несостоятельность Менсона и как командира разведгруппы «тюленей», и как спецназовца.

– Между прочим, до твоего появления имитационный допрос выдерживали семеро «тюленей» из десяти, – напомнил хозяину коттеджа полковник Греймс. – Сейчас же мы имеем обратную картину. В среднем из каждой десятки испытуемых ты заваливаешь на «потрошении» восьмерых, и только двое выдерживают твои допросы. Интересно узнать – почему?

– Потому что ваши спецназовцы слабаки! – заявил в ответ хозяин коттеджа. – Такие, как Менсон, начинают блевать от одного вида свиных кишок, а прослушав сделанную в психушке запись криков сумасшедшего, падают в обморок. И они еще смеют называть себя армейской элитой.

Местоимение «ваши» больно резануло по самолюбию Греймса, и он непроизвольно прищурил глаза. Хозяин коттеджа тут же заметил недружелюбный взгляд своего гостя и ехидно спросил:

– Желаете проучить своего «циклопа» за его острый язык? Спарринг в полный контакт? Но это же даже не смешно. – Он развел руками. – Вам не выстоять против меня и десяти секунд.

Это была откровенная лесть. В действительности хозяин коттеджа считал, что реальная схватка с полковником Греймсом закончилась бы уже на второй секунде, и отнюдь не победой старого командос.

– Верно, Стен. К чему нам выяснять отношения? – Глаза Греймса вновь приняли прежнее дружелюбное выражение, но обида в душе осталась. Желая поставить на место своего собеседника, он сказал: – Однако, если бы в магазине Менсона были настоящие, а не холостые патроны, он бы уложил тебя. Ведь на том «минном» поле он стрелял в тебя практически в упор.

Однако задеть самолюбие хозяина коттеджа ему не удалось. В ответ на замечание Греймса тот лишь усмехнулся:

– Если бы у Менсона были боевые патроны, я сначала прострелил бы ему оба предплечья и одно колено, а затем спокойно взял голыми руками.

Греймсу оставалось лишь поджать губы. Сидящий напротив него человек знал, что говорил.

Несколько минут они ели молча. Хозяин коттеджа смачно откусывал большие куски от собственноручно приготовленного стейка, заедая мясо огурцами и луком. Он захватывал пучок зелени, обмакивал его в банку с соусом, а затем отправлял в рот. В процессе еды он

не забывал и о вине, то и дело наполняя свой бокал. Греймс ел мало и практически не пил, обдумывая, как начать разговор, ради которого он прилетел сюда, на военно-морскую базу. Первым нарушил молчание хозяин коттеджа:

– Скоро будет закат. Я слышал – на Гавайях туристы платят по пятьсот долларов только за то, чтобы зарезервировать столик на побережье, откуда можно наблюдать, как солнце опускается в океан. – Он указал на зависший над морем багровый солнечный диск. – Здесь же это зрелище совершенно бесплатно.

– Стен, а не хочешь вернуться в Штаты? – неожиданно спросил Греймс.

– Вернуться? Интересно – в качестве кого? Помнится, когда вы отправляли меня сюда, то говорили, что делаете это в интересах моей же безопасности, так как в Штатах мне грозит пожизненное заключение или электрический стул. Так что же, обстоятельства изменились?

– Да, – прямо ответил Греймс. – Я официально уполномочен предложить тебе американское гражданство и должность инструктора по боевой подготовке в особом учебном центре войск специального назначения. Ты получишь офицерское звание, соответствующее должности денежное содержание и все социальные гарантии, положенные офицеру армии США. Что ты на это скажешь?

Полковник Греймс попробовал перехватить взгляд своего собеседника, но это ему не удалось. Хозяин коттеджа уставился на свои испачканные мясным жиром ладони и сказал:

– Мистер Греймс, вы забыли сообщить две вещи – какую работу предстоит мне выполнять и какую сумму я за нее получу.

– Стен, с тобой невозможно разговаривать, ты все знаешь наперед.

Американский полковник попробовал придать последней фразе своего собеседника шуточный смысл, но тот сохранил невозмутимость, продолжая с прежним вниманием разглядывать свои раскрытые ладони. И Греймс сдался:

– В данном случае, Стен, более уместен вопрос не о том, *что* нужно сделать, а *где*, так как речь идет о России. Я не могу раскрывать перед тобой цель и задачи предстоящей операции, не получив твоего принципиального согласия. Скажу лишь, что речь идет о диверсионно-разведывательном рейде в российскую тайгу. Американское правительство крайне заинтересовано в результате, поэтому выделило непосредственным участникам операции по одному миллиону долларов. Командир разведгруппы – я веду речь о тебе, Стен, – получит два миллиона.

Произнеся последнюю фразу, Греймс впился взглядом в лицо хозяина коттеджа, стараясь по мимике определить его реакцию. В какой-то момент американскому полковнику показалось, что его собеседник собирается отказаться, и он быстро заговорил:

– Стен! Я просто хочу напомнить, что, когда тебя уволили из армии, ты выбрал профессию наемного киллера. И при этом тебя не смущало, что твоими жертвами становятся соотечественники. Что же касается твоих бывших коллег по военному ремеслу...

Греймс не договорил, его собеседник схватил со стола боевой нож и, взмахнув рукой, всадил его в середину столешницы. Обоюдоострое лезвие легко пробило тонкий пластик, и нож вошел в стол по самую рукоятку.

– Ни слова больше! – Вспыхнувшие яростью глаза хозяина коттеджа уставились на американского полковника. – Я берусь за это дело. Родной спецназ остался мне должен! И я рад, что мне наконец представился случай получить этот долг!

Полковник Греймс облегченно перевел дух. Человек, которому он отводил основную роль в предстоящей операции, согласился без всяких дополнительных уговоров. В случае его категорического отказа Греймс даже готов был пригрозить своему собеседнику экстрадицией в Россию. Запрос российской прокуратуры с требованием о его выдаче уже два года хранился в американском отделении Интерпола. Но шантаж – далеко не лучшая мотивация, особенно когда речь идет о сложном и чрезвычайно опасном задании. Поэтому Греймс крайне обрадовался, что ему не пришлось прибегнуть к последнему аргументу.

– По-моему, Стен, сейчас самое время откупорить виски. – Греймс указал на красочную лакированную коробку, которую хозяин коттеджа так и не унес в дом. И когда тот достал из коробки бутылку, добавил: – Скорее всего твой старый долг так и останется неоплаченным, так как в России тебе придется действовать не против спецназа, а против штатных подразделений регулярной армии.

Ни хозяин коттеджа, ни его гость не были столь наивны, чтобы воспринять последнюю фразу всерьез. Они оба были профессионалами и прекрасно понимали, что, когда речь идет о боевой диверсионно-разведывательной операции в чужой стране – ни о чем нельзя знать наверняка.

Коттеджный поселок постоянного состава базы ВМС США на острове Лусон 21.00

После ухода полковника Греймса хозяин коттеджа еще долго сидел в шезлонге на заднем дворе своего дома. Короткие сумерки сменила темная тропическая ночь. Он не стал зажигать на участке свет, и в наступившей темноте можно было наблюдать, как мерцают рубиновыми огнями не сгоревшие в жаровне угли. Человек, сидящий в раскладном кресле, смотрел на них, но вместо углей видел лицо своего прежнего командира – подполковника Федорова, а в голове звучали последние произнесенные Федоровым слова:

– Ты не достоин права называться спецназовцем! Мало того, что ты не выполнил приказ! Ты погубил своих бойцов! И сделал это ради денег! Ради собственного обогащения! Чем ты лучше бандитов, с которыми мы сражаемся?! Ничем! Ты такой же, как они! Ты мародер и предатель, а не спецназовец! За то, что ты сделал, тебя будет судить трибунал! А сейчас – сдай свой краповый берет!

* * *

Капитан Осокин – теперь уже бывший командир штурмовой группы из состава особого подразделения специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба, более известного среди профессионалов ГРУ как спецподразделение «Каскад», исподлобья взглянул на стоявшего перед ним подполковника Федорова, а затем обвел хмурым взглядом выстроившихся на импровизированном плацу «каскадовцев». И офицеры, и рядовые бойцы – все без исключения смотрели на Осокина одинаково презрительно. Нет, не все! Среди общего количества направленных на него осуждающих взглядов разжалованный командир штурмовой группы разглядел и несколько откровенно враждебных. Так смотрели на него близкие друзья трех погибших бойцов.

«Сейчас вы единодушно в своем порыве сорвать с меня погоны, – встречаясь взглядом с суровыми лицами спецназовцев, подумал Осокин. – Но еще неизвестно, как бы поступили вы, окажись тогда на моем месте, и что стали делать, если бы вам в руки свалилась четверть миллиона долларов? Да любой из вас забрал бы эти деньги себе. Потому что каждый, каждый мечтает пожить как человек, вместо того чтобы заживо гнить в этих промокших палатках, секретах и окопах!»

Все, что попадало к нему в руки во время спецопераций, Степан Осокин считал своими трофеями, а проще говоря – добычей. Прочие «каскадовцы», возвращаясь из очередной «горячей точки», тоже порой прихватывали в качестве трофеев фирменные часы, зажигалки или изготовленное мастерами холодное оружие в дорогом подарочном исполнении, но Осокин сделал данный промысел средством личного обогащения. Из своей первой специальной командировки в Сомали в августе 92-го года Степан привез трое швейцарских наручных часов и какой-то местный кривой кинжал с позолоченной рукояткой. Часы он тут же продал молодым бойцам, которые еще не успели побывать в спецкомандировках, но страстно желали иметь у себя какой-нибудь заграничный трофей, а кинжал сдал в антикварную лавку. Приемщик долго цокал языком, рассматривая диковинное оружие, а потом не менее долго доказывал Осокину, что рукоятка кинжала вовсе не из золота, а из латуни, но в итоге все-таки заплатил требуемую Степаном сумму. Затем были другие командировки и другие трофеи: золотое монисто, сорванное с шеи наложницы какого-то суданского феодального царька, серьги, вырванные из

ушей югославских женщин, погибших во время кровавых зачисток в селах Боснии, Герцеговины и Черногории, перстень, явно старинный, чтобы получить который, Осокин не моргнув глазом отрубил палец у какой-то хорватской старухи, и, наконец, золотые фиксы, безжалостно выдираемые им у убитых чеченских боевиков или их замученных жертв.

При виде трупа любой нормальный человек испытывает страх и вполне понятную безразличность. У людей определенных профессий: патологоанатомов, спасателей МЧС, бойцов спецназа, которым по долгу службы часто приходится иметь дело с телами погибших людей, эти чувства притупляются. Степан Осокин избежал от подобных душевных переживаний задолго до своего призыва в армию весной 86-го года. Еще когда мальчишкой вместе с отцом, а затем и в одиночку, со старой, но точной мелкашкой, бродил по тайге, отстреливая белок, куниц и соболей, Степан научился сдирать шкуру с только что убитых зверьков и привык к виду крови и выпущенных внутренностей. И когда в Руанде захваченный контрабандист проглотил перевозимые алмазы, Осокин без колебаний распорол еще живому человеку живот, разрезал желудок и выгреб оттуда проглоченные камни. Став в силу своей природной выносливости, отменной физической подготовки и поистине снайперской меткости бойцом самого элитного подразделения – спецназа военной разведки, по сути Степан Осокин так и остался мародером. На тела убитых врагов и случайных жертв Осокин смотрел как на источник возможной добычи и, стаскивая с пальцев трупов золотые кольца, испытывал те же чувства, что и во время освеживания только что подстреленного в тайге соболя.

Но за золото и драгоценности перекупщики, которым Осокин сбывал свою добычу, по его мнению, платили жалкие копейки. Однажды он даже, решив, что его подло обманывают, с нескрываемым удовольствием избил одного из них, сломав тому несколько ребер и разорвав локтевое сухожилие. Поэтому золотым коронкам, серьгам и кольцам мародер предпочитал наличные деньги. Но, как назло, Генштаб направлял «Каскад» или в погрязшие в междоусобных войнах слаборазвитые африканские страны, или на раздражаемые национальными и религиозными противоречиями Балканы, где у населения банкноты общепризнанных мировых валют были в большой редкости. Лишь пару раз Осокин находил у застреленных наемников американские доллары да как-то обнаружил в шкатулке, чудом сохранившейся в разбомбленном доме боснийской деревушки, тонкую пачку немецких марок. Он возлагал большую надежду на Чечню. Среди бойцов федеральных сил упорно ходили слухи о баснословных гонорах чеченских боевиков. Как всегда, слухи оказались сильно преувеличенными. За полтора года засад и разведрейдов в тылу боевиков Осокин буквально по купюрам собрал что-то около пяти тысяч долларов. Поэтому, когда удача наконец улыбнулась ему, направив к месту засады его штурмовой группы трех чеченских курьеров с четвертью миллиона долларов, Осокин ни секунды не колебался – это только его добыча, и он не отдаст ее никому...

Стоя сейчас перед строем своих сослуживцев и выслушивая обвинения Федорова, Осокин уже забыл, что из всего разведывательного дозора, атаковавшего чеченский караван и уничтожившего трех курьеров, перевозивших из России в Чечню двести пятьдесят тысяч долларов для чеченских боевиков, лишь он один решил присвоить себе захваченные в результате спецоперации деньги. А четверо бойцов его разведдозора считали, что несут отбитые у боевиков доллары в распоряжение отряда. Трое из них так и умерли с этой мыслью, когда с боем прорывались через перевал, контролируемый чеченскими боевиками. И лишь последний, четвертый боец, единственный выживший из всего разведывательного дозора капитана Осокина, узнал страшную правду о том, что его товарищи заплатили своими жизнями за то, чтобы их командир сумел вынести из зоны, контролируемой боевиками, свои награбленные деньги. Сейчас этот боец стоял в одном строю с остальными солдатами своего отделения, и все они уничтожающими взглядами смотрели на своего бывшего командира. Солдаты не сомкнули строй, и три свободных места в их шеренге, по числу погибших товарищей, являлись немым свидетельством выдвинутых против Осокина обвинений.

– Сдай краповый берет! – Повторный приказ подполковника Федорова резанул по ушам Осокина.

И тогда Степан резко сдернул с головы свой краповый берет – отличительный знак и гордость любого спецназовца, и, скомкав его в кулаке, швырнул в лицо стоящего напротив него офицера.

– Да пошел ты! – прошипел он сквозь зубы и сплюнул под ноги Федорову.

Однако подполковник не ответил на оскорбление. Он на лету поймал брошенный в лицо берет, расправил его в руках и, аккуратно сложив вдвое, обратился к построившимся перед палатками солдатам:

– Больно терять друзей. Но вдвойне больнее узнать, что твои друзья погибли по вине предателя!..

Дальнейших слов Федорова Осокин уже не слышал, так как, бросив в лицо командиру свой краповый берет, резко развернулся и быстро ушел с построения. Его никто не удерживал. На общее построение роты собрались спецназовцы, а капитан Осокин только что был лишен этого звания.

Он ушел в свою жилую палатку и, растянувшись на койке, прикрыл глаза. Однако уединение бывшего командира штурмовой группы продолжалось не долго. Построение роты вскоре закончилось, и в палатку вернулись соседи Осокина: старший лейтенант Кудрявцев, командир второй штурмовой группы, и его заместитель лейтенант Бондаренко.

– Забирай свои вещи и убирайся! – потребовал Кудрявцев, обращаясь к вытянувшемуся поверх одеяла Осокину. – Мы не хотим находиться в одной палатке с предателем и трусом.

– Еще раз назовешь меня трусом, слизняк, и я вырву твой вонючий язык. – Осокин медленно повернулся на койке в сторону вошедших в палатку офицеров. – За последний рейд я отправил на тот свет девять «чехов», а что сделал за это время ты?

– Все, что ты умеешь, – это убивать! – ответил Кудрявцев. – Но твое умение не имеет ничего общего с храбростью! И поэтому я еще раз повторяю – ты трус! Ты испугался встретить на пути наш военный патруль, который наверняка поинтересовался бы, откуда у тебя вещмешок, набитый долларами, и куда ты с ним направляешься. Поэтому ты и повел дозор через территорию боевиков. Солдаты доверяли тебе, как командиру, а ты предал их, сознательно подставив под чеченские пули. В угоду себе ты погубил троих своих бойцов, а бравируешь тем, что сумел застрелить девять «чехов»! Так кто ты после этого, если не трус?!

Не говоря ни слова, Осокин резко вскочил с кровати и, оказавшись перед Кудрявцевым, нанес ему короткий, но чрезвычайно мощный боковой удар в подбородок. В момент удара Осокин ощутил, как хрустнула под его кулаком переломленная челюсть Кудрявцева, но не почувствовал ни капли жалости. Нокаутированный старший лейтенант рухнул на земляной пол палатки. На выручку своему командиру тут же бросился его заместитель. Но Осокин предполагал такое развитие событий. Он нырнул под правую руку Бондаренко, уходя от его прямого удара, и в свою очередь ударил лейтенанта по ребрам. И вновь под кулаком Степана Осокина затрещали переламываемые кости. Отброшенный ударом Осокина, Бондаренко отлетел к своей койке. Но, несмотря на перелом двух ребер и резкую боль, пронзившую его правый бок, он не потерял сознания. Ненависть к предателю, погубившему трех своих бойцов и искалечившему его друга, оказалась настолько сильной, что Бондаренко рванул из-под койки свой автомат, подвешенный к пружинам панцирной сетки. В следующую секунду ствол автомата нацелился в грудь Степана Осокина.

– Отставить! – прокатился по палатке оглушительный окрик подполковника Федорова.

Бондаренко вздрогнул от неожиданности, а его указательный палец, уже начавший выбирать свободный ход спускового крючка, замер на полпути. Воспользовавшись замешательством своего подчиненного, Федоров ворвался в палатку и заслонил замершего на месте Осокина своим корпусом.

– Убери оружие, Антон, – медленно и внятно произнес Федоров, обращаясь к Бондаренко. – Он этого не стоит. Не ломай себе жизнь из-за этого негодяя. Его будет судить трибунал, и он получит по заслугам. Это я тебе обещаю. Ты слышишь меня, Антон?

– Слышу, товарищ подполковник, – ответил Антон Бондаренко, опуская свой автомат.

...Обещанию подполковника Федорова не суждено было сбыться. К концу 96-го года военную прокуратуру буквально захлестнула волна уголовных дел, заведенных по фактам преступлений, совершаемых военнослужащими федеральных войск на территории Чечни. На фоне убийств, грабежей и изнасилований, которые приходилось расследовать следователям военной прокуратуры, приписываемые капитану Осокину мародерство и невыполнение приказа отнюдь не выглядели опасными преступлениями, как охарактеризовал их подполковник Федоров. Во время зачисток сел и проведения боевых операций военно-служащие федеральных войск повсеместно забирали и присваивали себе деньги и ценности, найденные у погибших чеченцев. Случаи же невыполнения приказов и даже открытого неповиновения командирам среди солдат и офицеров встречались еще чаще, поэтому пример капитана Осокина отнюдь не стал для них исключением. Правда, к выдвинутым против Осокина обвинениям прибавилось еще одно – драка с причинением телесных повреждений двум офицерам своего подразделения. Но уже во время рассмотрения уголовного дела подразделение, в котором служил Осокин, было переброшено в другой район Чечни, что крайне затруднило для следователя получение свидетельских показаний от сослуживцев Осокина. К тому же непрекращающиеся вооруженные столкновения федеральных сил с отрядами боевиков регулярно прибавляли работы военной прокуратуре. И в конце концов следователь, который вел дело Осокина, так и не собрав доказательств, необходимых для составления обоснованного обвинительного заключения, вынес постановление о прекращении уголовного дела в связи с недостаточностью улик.

– Считаю, что тебе повезло, – сказал следователь Осокину на прощание.

Но бывший спецназовец Главного разведуправления Генерального штаба вовсе так не думал. На основании рапорта, поданного командованию подполковником Федоровым, капитан Осокин был лишен офицерского звания и уволен из рядов Вооруженных сил. Но главную горечь Осокина составляла потеря четверти миллиона долларов, захваченной им во время своего последнего разведывательного рейда. Всякий раз вспоминая о своем задержании патрулем ОМОНа, Осокин жалел лишь об одном – о том, что не расстрелял остановивших его омовцев вместе с их командиром. «Это надо было сделать сразу, до того, как они полезли в вещмешок и нашли там баксы, – рассуждал он, восстанавливая в памяти подробности своего ареста. – Автомат висел у меня на плече, а они, все четверо, стояли передо мной в одну линию. Я мог бы срезать их одной очередью. Правда, в тот момент у меня за спиной стоял этот придурок из моей разведгруппы. Но он бы не успел понять, что происходит. Да даже если бы и понял, то не решился бы стрелять в спину своему командиру. Мне оставалось только положить патруль, затем грохнуть моего придурка, и четверть миллиона баксов навсегда стали бы моими. Я же уже зарезал за эти деньги пленного «чеха», так надо было идти до конца. Какая разница – один труп или шесть, если я все равно собирался исчезнуть с этими деньгами?»

Коттеджный поселок постоянного состава базы ВМС США на острове Лусон 6.05, понедельник, 14.35

Наученный вчерашним уроком, полковник Греймс не стал повторять попытку незаметно подкрасться к своему знакомому. Подойдя к живой изгороди, обрамляющей по периметру коттеджный участок, он громко свистнул и стал ждать. Примерно через полминуты из-за угла дома вышел хозяин коттеджа. Он шел со стороны лужайки, где накануне ужинал с Греймсом. На нем была полевая форма американского морского пехотинца без знаков различия. В левой руке он нес черный пластиковый пакет с мусором. Но даже объемный пакет не смог прикрыть огромный абордажный нож, висящий у него на поясе вдоль левого бедра.

– Отличительный знак «циклопа», – произнес хозяин коттеджа, заметив, куда обращен взгляд Греймса.

С этими словами он выхватил нож из удерживающего его ременного кольца и крест-накрест разрубил перед собой воздух.

– Тот самый, которым ты грозил Менсону? – указав рукой на абордажный нож, поинтересовался Греймс.

– Вот именно, что грозил, – ответил хозяин коттеджа, вешая нож обратно на пояс. – Ни на что другое он не годится. Так, дешевая подделка под оружие флибустьеров. Я купил его на местном рынке, в лавке какого-то ремесленника. Сбалансирован плохо. Клинок вышел слишком широким, из-за этого оружие получилось излишне тяжелым. Но для устрашения таких, как Менсон, а также для колки лучины для моей жаровни вполне подходит, – с усмешкой закончил собеседник Греймса.

– Ясно. – Греймс улыбнулся в ответ, показав, что принимает шутку. – Я могу войти?

Хозяин коттеджа пожал плечами:

– Входите, если не боитесь заскучать. В пятнадцать часов начинаются послеобеденные занятия, а мне необходимо на них присутствовать.

– Сегодня, Стен, инструкторам придется обойтись без тебя, да и во все последующие дни тоже, – заметил Греймс, вступая на песчаную дорожку, ведущую на территорию коттеджного участка. – С командованием базы вопрос о твоём переводе уже согласован. Так что сегодня отдыхай и собирай вещи, а завтра мы возвращаемся в Штаты.

Хозяин коттеджа замер на месте, пристально глядя в лицо своего гостя. «Быстро. Ты лишь второй день на базе, а уже согласовал вопрос о моем переводе. Как же я все-таки нужен тебе, раз ты так суетишься... Тогда, в 96-м, Федоров тоже суетился, чтобы отдать меня под трибунал. Только хрен у него получилось! Все, чего он сумел добиться, – это моего увольнения из армии. А с моей квалификацией я неплохо устроился и на гражданке...» Перед глазами хозяина коттеджа стремительно пронесли последние годы его прошлой жизни.

* * *

После увольнения из Вооруженных сил Степан Осокин возвратился обратно в свой родной Омск, откуда десять лет назад призывался в армию. В подмосковную Балашиху, где размещалась база «Каскада», он не вернулся. Очень велик был шанс встретить там кого-нибудь из своих прежних сослуживцев, а после драки в армейской палатке Осокин не желал больше видеть никого. Он не боялся новых стычек, так как знал по опыту, что одолеет в рукопашной схватке любого. Последние два года службы в «Каскаде» капитан Осокин прочно удер-

живал неофициальное звание лучшего рукопашника подразделения. Но любая встреча с бывшими сослуживцами стала бы еще одним напоминанием о его поражении. То, что он не сумел сохранить для себя захваченные у чеченцев деньги, Осокин считал своим поражением. Ради этих денег он поставил на карту свою должность, звание, перспективу военной карьеры – и все проиграл. В итоге у него не осталось ни того ни другого. Он потерял все, кроме знаний и навыков, ценой своей и чужой крови приобретенных во время службы в самом элитном подразделении спецназа Российской армии – диверсионно-разведывательном отряде Главного управления военной разведки. Но даже на столь специфический товар всегда найдется покупатель, особенно если продавец не отягощен моральными принципами. И Осокин без колебаний примкнул к группировке местного криминального авторитета и вскоре возглавил одну из его самых жестоких и боеспособных бригад. Столь высокий авторитет у лидера группировки он приобрел после убийства двух чеченских боевиков, направленных в Омск лидером столичной чеченской общины, чтобы рассчитаться с человеком, убившим его курьеров и похитившим перевозимые ими деньги. Расправа Осокина над явившимися за его головой произвела впечатление на криминального авторитета, и он сделал бывшего «каскадовца» своим личным ликвидатором. Очень быстро слава непревзойденного наемного убийцы из Сибири докатилась и до Москвы, и лучшего ликвидатора перекупила московская финансовая группа, с которой авторитет поддерживал деловые отношения. Так Степан Осокин перебрался в столицу.

Перейдя от омского криминального авторитета на службу к московским финансовым олигархам, Степан Осокин ни разу не пожалел о принятом решении. Теперь ему приходилось работать не более трех-четырех раз в год. Как правило, финансисты разрешали споры между собой за столом переговоров или в арбитражном суде и редко прибегали к физическому устранению конкурентов. Когда же это все-таки случалось, Осокин брался за оружие и аккуратно выполнял поступивший заказ. Так, выполняя очередное поручение своих новых хозяев, он застрелил лидера чеченской общины Москвы вместе с шестью его телохранителями, совершив тем самым акт затянувшейся личной мести. Получаемые за проводимые ликвидации гонорары позволяли Степану безбедно существовать, не задумываясь о деньгах. Общался Осокин всегда с одним и тем же заказчиком, который был вице-президентом крупного московского банка. Заказчику удавалось сохранять инкогнито лишь до того момента, пока Осокин не увидел в журнале «Эксперт» его фотографию с указанием имени и занимаемой должности. Но и заказчик многое узнал о своем исполнителе. Так, выяснив, что Осокин в совершенстве владеет английским языком, а также свободно общается на немецком и французском, он начал поручать своему штатному убийце проведение акций не только в России, но и в других странах. По его приказу Осокин провел две успешные ликвидации в Ницце и Марселе, а в мае 99-го года получил заказ на проведение аналогичной акции в Соединенных Штатах.

Его объектом на этот раз оказался бывший соотечественник, а ныне гражданин США, совладелец крупнейшего в Лос-Анджелесе агентства по торговле недвижимостью. Поначалу в США все складывалось удачно. Осокин выяснил, где непременно появится заказанный ему объект, – на боксерском поединке за звание чемпиона мира в среднем весе, проходящем в известном на всю страну спортивно-развлекательном комплексе Лос-Анджелеса. Сложности начались, когда прибывший из России киллер отправился на боксерский матч. На всех входах в спортивно-развлекательный комплекс были установлены арочные металлодетекторы, и охранники бдительно следили, чтобы никто из зрителей не пронес на матч оружие и другие запрещенные предметы. Поэтому Осокину пришлось оставить свой специально приобретенный для покушения «смит-и-вессон» в машине. Позже выяснилось, что за объектом всюду следуют двое телохранителей, вооруженных отнюдь не газовыми пистолетами. Убийцу это не остановило. И, улучив момент, когда сопровождаемый телохранителями объект направился в туалет, он последовал за ним. Одного из телохранителей Осокин задушил собственным брючным ремнем, а другому проломил грудную клетку ударом ноги. Но на шум драки к туалетной

комнате сбежались охранники спортивного комплекса. Осокин поспешно застрелил торговца недвижимостью из пистолета его собственного телохранителя, а затем, выстрелив в подбежавшего к нему охранника, выбил оконное стекло и со второго этажа выпрыгнул на улицу. Напротив выбитого им окна оседлавший мотоцикл молодой парень разговаривал со своей подругой. Заметив выпрыгнувшего из окна вооруженного человека, девушка тоже вскочила на мотоцикл, намереваясь уехать. Убийца выстрелил ей в спину. Девушка вывалилась из седла, парень бросился ей помогать. Осокин оглушил парня ударом пистолета и, вскочив на его мотоцикл, помчался прочь от спортивного комплекса. Убив четырех человек и смертельно ранив девушку, сам убийца отделался легким порезом руки, когда выпрыгивал из разбитого окна. Он считал, что оторвался от погони, и был абсолютно уверен, что беспрепятственно вернется в Россию, поэтому испытал настоящий шок, когда после пересадки в аэропорту Кеннеди его арестовали нью-йоркские полицейские. Уже во время следствия Осокин узнал, что полицейские установили его личность по номеру взятого напрокат автомобиля, в котором он оставил приобретенный для покушения пистолет. А взятая у него проба крови стала неопровержимым доказательством того, что именно он совершил групповое убийство в спортивно-развлекательном комплексе Лос-Анджелеса. Американский суд приговорил убийцу к пожизненному заключению, однако из своего пожизненного срока Степан Осокин отбыл лишь несколько месяцев. Его судьба вновь сделала крутой поворот.

«Боинг-747», следующий по маршруту Манила – Гонолулу – Сан-Франциско 8.05, среда, 00.30

Человек, три года назад сменивший русское имя Степан на англоязычное Стен, открыто разглядывал молодую стюардессу, катившую по проходу между авиационными креслами тележку с напитками. Стюардесса двигалась медленно, так как останавливалась возле каждого ряда кресел и по очереди обращалась к сидящим слева и справа от нее пассажирам, предлагая им те или иные напитки. Большинство пассажиров дремало, откинувшись на спинки своих кресел. Некоторые из них, услышав голос стюардессы, просыпались и недовольно ворчали на девушку, нарушившую их сон. Стюардесса виновато улыбалась в ответ и катила свою тележку дальше. «Симпатичная сучка, – подумал Стен, глядя на приближающуюся к нему стюардессу. – Фигура, формы, мордашка – все при ней. Неудивительно. Девчонка еще молода и, судя по всему, летает недавно. Но это не надолго. От недостатка кислорода на больших высотах у нее очень быстро постареет кожа, а от беспрестанной смены часовых поясов обязательно испортится характер. Хотя, возможно, она и так отъявленная стерва, – мысленно добавил он. – А мило улыбается пассажирам лишь потому, что это ее работа». Чем дольше Стен смотрел на симпатичную девушку в безупречно подогнанной по ее фигуре униформе, тем больше ему хотелось, чтобы у нее оказался вздорный характер.

Стюардесса заметила обращенный на нее пристальный взгляд. Она подняла голову и, встретившись глазами со Стеном, спросила:

– Желаете что-нибудь выпить, сэр?

– Да, бутылку «Белой лошади» и пакетик фисташек.

– Бутылку? – Глаза стюардессы изумленно округлились.

– Именно. – Стен заглянул в глаза девушке, которые, как и ее униформа, оказались небесно-голубого цвета.

Стюардесса почувствовала себя неуютно от его колючего взгляда. Она поспешно взяла со своей тележки бутылку заказанного виски и вместе с пакетиком обжаренных с солью фисташек протянула пассажиру. Принимая заказ, Стен сознательно ухватил девушку за руку, чтобы почувствовать, какая у нее кожа. Кожа оказалась нежной и очень приятной на ощупь. Но приятное ощущение продолжалось всего мгновение, так как стюардесса в испуге отдернула руку.

– С вас сорок пять долларов, сэр, – произнесла она и, чтобы больше не встречаться взглядом со странным пассажиром, уставилась на свою тележку.

– Перед посадкой передайте счет моему другу. – Стен кивнул в сторону дремавшего в соседнем кресле Эдварда Греймса.

– Как вам будет угодно, – произнесла в ответ стюардесса и поспешила отойти прочь.

Стен перегнулся через подлокотник своего кресла и посмотрел вслед удаляющейся девушке. За два ряда от него стюардесса опять остановилась, чтобы обслужить очередного пассажира. Тот сидел в дальнем от нее ряду, и девушке пришлось низко наклониться, передавая ему бокал с заказанным напитком. При этом узкая юбка стюардессы натянулась и приподнялась вверх почти до середины бедер, открыв взору Стена ее стройные ноги в матовых, плотно облегающих колготках.

«Попка у нее что надо! – Стен мечтательно прищурил глаза. – Эх, затащить бы сейчас девчонку в туалет, поставить раком, задрать ей юбку и вдуть по самые гланды!» Он отчетливо представил себе эту картину: тесный отсек туалетной кабинки и бющееся в его руках полуобнаженное тело молодой стюардессы с задранной юбкой и спущенными до колен колготками и трусиками. Представил, как содрогается девушка в такт его движениям, пытаясь вырваться

из его захвата, а он, не обращая внимания на ее тщетные попытки, входит в нее все глубже и глубже. За последние полтора года, что Стен провел на Филиппинах, все его сексуальные отношения ограничивались контактами с филиппинскими проститутками. И сейчас при виде понравившейся ему белой женщины Стен ощутил мощное сексуальное желание.

«Нет, ничего не выйдет, – сказал он самому себе, когда стюардесса распрямилась и вновь покатила свою тележку дальше по пассажирскому салону «Боинга». – В Америке все бабы помешаны на сексуальных домогательствах. Феминистки гребаные! – со злостью добавил он. – Вон как она отдернула руку, когда я попробовал погладить ее пальцы. А попробуй затащи такую в туалет, сразу начнет визжать, как зарезанная свинья... Можно зажать ей рот и немного придушить, чтобы не особенно вырывалась, – тут же пришла в голову Стена рациональная мысль. – Оттрахать в свое удовольствие и уж затем задушить окончательно. Труп можно оставить в той же кабинке. В хвосте самолета, где расположены туалетные комнаты, пассажиров мало, а те, кто имеется, наверняка крепко спят или дремлют. Никто даже не заметит, как я запихну в туалет эту девчонку... Ну и чего я этим добьюсь? – задал он себе такой же рациональный вопрос. – Если в нью-йоркском аэропорту полицейские сумели провести экспресс-анализ крови, то что помешает им в аэропорту Сан-Франциско взять образцы спермы у всех мужчин нашего рейса. Моя сперма лучше всяких свидетелей докажет копам, что именно я трахнул эту сучку. Меня арестуют прямо в зале прилета. А уж когда по отпечаткам пальцев установят личность, то даже Греймс не сможет ничем помочь. Второй раз из камеры смертников мне уже не вырваться».

Стен отвернулся от удаляющейся по проходу стюардессы и уставился на звездное небо в иллюминаторе, чтобы подавить охватившее его сексуальное желание.

* * *

Бывший офицер российского спецподразделения «Каскад» Степан Осокин и полковник американской разведки Эдвард Греймс впервые встретились в специальной тюрьме-колонии для содержания особо опасных преступников, осужденных к пожизненному сроку заключения. За огромным пуленепробиваемым и звуконепроницаемым стеклом, полностью перегораживающим комнату свиданий, Осокин увидел среднего роста поджарого мужчину с седыми волосами. С первого взгляда на него Степан понял, что видит перед собой настоящего бойца. Это чувствовалось буквально во всем: в телосложении гостя, в грубой и обветренной коже его лица и рук, в манере передвигаться (Осокин заметил, что гость сначала ставит ногу на носок, словно щупает почву, а затем уже на всю ступню) и особенно во взгляде. Таким же пристальным и безусловно пронизательным взглядом обладал бывший командир Осокина – подполковник Федоров. Степан решил, что эти люди даже чем-то неуловимо схожи, и сделал вывод, что к нему на свидание пришел кто-то из старших офицеров американского спецназа. Визит был явно не случайным. Осокин предположил, что американский офицер в обмен на послабление режима содержания предложит ему сообщить некоторые сведения о российском спецназе, и заранее был согласен на подобную сделку. С того самого момента, как подполковник Федоров потребовал от него сдать краповый берет, Осокина охватило чувство неутоленной злобы на бойцов своего бывшего подразделения и особенно на своего прежнего командира. Со временем эта злоба не угасла, напротив – она переросла в жажду мести. Поэтому Осокин не преминул бы воспользоваться любой возможностью хоть как-то поквитаться со своими бывшими сослуживцами.

Гость действительно задавал много вопросов о прежней службе Степана, но его истинный интерес оказался совсем иного рода. Гость искал убийцу с навыками бойца спецподразделения и при условии успешной ликвидации указанного человека гарантировал заключенному свободу. Осокин согласился без колебаний. Даже за призрачную возможность вырваться из

тюрьмы он готов был взяться за что угодно. В тот же день он обнаружил в своей одиночной камере телевизор с подключенным к нему видеоплеером. В плеер была вставлена кассета. Осокин внимательно просмотрел ее, отметив после просмотра, что никогда прежде не получал заказы подобным образом. Кассета содержала видеозапись намеченного для ликвидации объекта: несколько его крупных планов, маршрут движения его машины и снятую с разных точек площадь, где планировалось провести покушение. На следующий день после просмотра видеокассеты заключенный Осокин и полковник Греймс встретились снова и обговорили последние детали предстоящей операции.

Организованный Греймсом побег из тюрьмы прошел, по представлению Осокина, чрезвычайно прозаично. Его просто вывезли в машине для перевозки заключенных на один из частных аэродромов. Через два часа полета небольшой двухмоторный самолет доставил Степана Осокина и сопровождавшего его полковника Греймса в аэропорт Атланты. А на следующий день Осокин, выполняя поручение Греймса, на площади перед зданием городской администрации застрелил конгрессмена от штата Джорджия, двух охранявших его агентов ФБР и еще двоих полицейских, ставших случайными свидетелями убийства и попытавшихся задержать убийцу. Сенсационное по своей жестокости и дерзости преступление надолго захватило внимание американской общественности. Фотороботы убийцы не сходили со страниц газет и экранов телевизоров. ФБР и полиция развернули беспрецедентный по своим масштабам розыск. Но все усилия американской полиции и Федерального бюро расследований оказались тщетными. В то время, когда полицейские и агенты ФБР рыскали по всей стране в поисках убийцы, он находился за двенадцать тысяч километров от Соединенных Штатов, на американской военно-морской базе на острове Лусон Филиппинского архипелага, куда Осокина на военно-транспортном самолете переправил полковник Греймс. В отношении бывшего спецназовца у начальника отдела специальных операций ЦРУ Соединенных Штатов возникли далеко идущие планы.

Штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли, штат Виргиния

9.05, четверг, 17.45

Джобс оторвал взгляд от разложенных на его столе досье и, поджав нижнюю губу, недовольно посмотрел на сидящего за приставным столом полковника Греймса. Тот с трудом сдерживал улыбку: «Жаль, у меня нет с собой фотоаппарата. Репортеры дорого бы заплатили за фотопортрет первого заместителя директора ЦРУ со спущенными на нос очками и выпяченной нижней губой». Однако вопрос Джобса заставил Греймса отвлечься от своих мыслей.

– Мне только одно непонятно: почему вы предлагаете назначить командиром группы этого русского? Как вообще можно доверить проведение ответственной операции солдату из лагеря противника, пусть даже и бывшему?!

Подобная реакция заместителя директора ЦРУ на высказанные ему предложения оказалась совершенно неожиданной для Греймса.

– Я полагал, что этот вопрос согласован, – растерянно произнес он.

– Согласован? – переспросил Джобс. – Интересно – с кем? Помнится, я дал свое согласие на привлечение к операции этого бывшего российского спецназовца, но отнюдь не собиравшись доверить ему командование разведгруппой. К тому же в этом нет необходимости. Ведь у нас есть более опытные бойцы. Тот же Марк, – Джобс подвинул к себе одно из лежащих на столе досье, – отлично зарекомендовал себя во время войны в заливе, а затем, уже работая по найму, провел несколько успешных акций в Перу, Мексике и Панаме. Да и Боб, – заместитель директора ЦРУ перелистал несколько страниц второго досье, – неоднократный участник наших специальных операций в Сербии и Косове. Вот, вы сами отмечаете, – палец Джобса уперся в привлекаящий его внимание абзац, – великолепно владеет всеми системами стрелкового автоматического оружия. Как Марк, так и Боб прошли специальный курс углубленного изучения русского языка. Знают местную лексику. Полагаю, любой из них отлично справится с ролью командира разведгруппы.

– Это не так, – быстро сказал Греймс, поняв, что Джобс собирается закрыть данную тему. – Боб, безусловно, отличный стрелок, поэтому я его и отобрал. Но на роль командира подразделения он не годится. Кроме чисто боевых качеств, от командира разведгруппы требуется умение прокладывать оптимальные маршруты по труднопроходимой российской тайге. Ему предстоит вывести своих людей на цель и, наконец, спланировать операцию по ее захвату, а затем уйти от преследования поисковых групп российских военных. Марку приходилось решать подобные задачи во время переходов по перуанской сельве, но, как снайпер, он никогда не приближался к объекту ближе чем на расстояние выстрела. И уж тем более не участвовал в атаках на хорошо охраняемый объект. Уверяю вас – из всех отобранных мною агентов Стен самый опытный и наиболее подготовленный к данной операции. По моим заданиям он осуществил три акции – в Индонезии, Северной Корее и Китае. Причем провел их блестяще! И это неудивительно, ведь он прошел подготовку в элитном подразделении российской военной разведки, командовал десантно-штурмовой группой. Воевал в Афганистане, Таджикистане и Чечне. Участвовал в боевых операциях российской военной разведки в Сомали, Судане, Руанде, Эфиопии и Югославии. У него за плечами усиленный курс подготовки офицера российского спецназа и почти шестилетний опыт участия в реальных боевых действиях.

– Вижу, вы уже зачислили этого русского в число наших агентов, – с саркастической улыбкой произнес Джобс. Первый заместитель директора ЦРУ крайне не любил, когда кто-либо из подчиненных возражал ему. Правда, на его уровне такое практически не случалось. – Вот вы постоянно ссылаетесь на его боевой опыт, приобретенный в Российской армии. Судя

по вашим прошлым рапортам, вы были отнюдь не высокого мнения о боевой подготовке российских военных. Быстро же вы переменяли его.

– Мистер Джобс, я и сейчас не отказываюсь от своего мнения, – с трудом сохраняя самообладание, произнес Греймс. Полковник войск специального назначения просто выходил из себя, когда непрофессионалы, подобные его нынешнему собеседнику, начинали рассуждать о боевой подготовке. – Но сейчас я веду речь о бойце элитного подразделения российской военной разведки. Смею вам напомнить, что Стен провел полтора года на нашей военно-морской базе на Филиппинах, где участвовал в имитационных захватах и допросах бойцов подразделений специального назначения американской армии.

– Значит, он полтора года калечил наших солдат, а вы предлагаете назначить его командиром диверсионно-разведывательной группы? – перебил своего подчиненного Джобс.

– Имитационные допросы всегда проводятся с максимальным уровнем морально-психологического давления! Стен лишь выполнял действующее предписание, – возразил Греймс. – Но я прежде всего хочу обратить ваше внимание на то, что для проведения допроса Стену сначала нужно было захватить каждого нашего спецназовца. Он провел несколько десятков успешных задержаний. Надеюсь, мне не нужно вам объяснять, какую подготовку необходимо иметь, чтобы захватить полностью экипированного и вооруженного «морского тюленя»?

– Насколько мне известно, прежде чем подвергнуть наших бойцов подобной проверке, им выдают холостые патроны, – заметил Джобс. – Так что вы меня не убедили.

Греймс вспомнил, что, когда задал аналогичный вопрос инструктору отряда «циклопов», тот равнодушно объяснил, что в таком случае перед захватом просто прострелил бы командира «тюленей» конечности, гарантированно стреножив его. Однако о том, что это не пустое бахвальство, знал лишь он один, как и то, что Джобс не воспримет ответ «циклопа» всерьез.

– Стен был тем человеком, который проводил «Атлантическую регату», – привел Греймс последний аргумент и исподлобья уставился на Джобса. Тот молчал, и Греймс решил, что заместителю директора ЦРУ необходимо напомнить некоторые детали операции. – Да, ему пришлось застрелить пару специальных агентов ФБР и двоих полицейских. Но он сделал это, спасая собственную жизнь. Стен не только сумел выполнить задание, но и выжить в фактически безнадежной ситуации, а затем благополучно исчезнуть с места покушения. В том, что после акции у ЦРУ возникли сложности в отношениях с конгрессом, отнюдь не его вина. Он сделал все, что мог.

Греймс закончил и вновь вопросительно взглянул на Джобса, но тот по-прежнему молчал, хотя все подробности операции, получившей кодовое обозначение по названию города, в котором она проводилась, ему были известны лучше, чем кому бы то ни было. Джобс был автором и идейным вдохновителем «Атлантической регаты», целью которой являлась ликвидация конгрессмена Кларка – представителя штата Джорджия, подготовившего и активно продвигавшего законопроект о существенном сокращении полномочий Центрального разведывательного управления и о контроле за расходованием средств, выделяемых на нужды разведки. Никакими административными мерами повлиять на строптивного конгрессмена не удалось, и тогда Джобс предложил директору ЦРУ план физического устранения Кларка. Согласно этому плану убить конгрессмена должен был сбежавший из колонии преступник – закоренелый убийца, осужденный к пожизненному сроку заключения. Подобрать среди отбывающих наказание заключенных подходящего исполнителя Джобс поручил начальнику отдела специальных операций – полковнику Греймсу. Тот просмотрел личные дела нескольких десятков заключенных и в итоге остановился на российском гражданине, осужденном пожизненно за совершенное в Лос-Анджелесе убийство пяти человек, Степане Осокине.

Молчание затянулось. Исчерпав весь арсенал своих доводов, полковник Греймс продолжал вопросительно смотреть на Джобса, а тот продолжал молчать. Наконец Джобс высказал

свое окончательное мнение. К удовлетворению Греймса, оно в корне отличалось от первоначального.

– Хорошо. Если вы так настаиваете, чтобы разведгруппой командовал ваш протеже, я не стану возражать. Раз тогда, в Атланте, он сумел уйти от наших полицейских, то, надеюсь, сумеет уйти и от российских военных.

По непроницаемому лицу первого заместителя директора ЦРУ невозможно было понять, о чем он думает. Но именно упоминание об «Атлантической регате» оказалось решающим аргументом в пользу принятого Джобсом решения.

Отель «Мэриот», Вашингтон

10.05, пятница, 10.05

– Прочитал? – Полковник Греймс указал рукой на две пластиковые папки с материалами личных дел, небрежно брошенные на журнальный столик.

– Да, – ответил Стен. Он не прекращал качать пресс, зацепившись ногами за нижний край гостиничной кровати.

Когда две минуты назад Греймс зашел в гостиничный номер, в который накануне поселил своего агента, то застал Стена за этим занятием. И все время, пока Греймс наблюдал за ним, тот продолжал ритмично сгибать и разгибать туловище, наклоняясь к своим ногам и снова опускаясь спиной на пол. Кожу атлета на плечах, груди и на животе покрывали крупные капли пота, но его дыхание и голос остались ровными, словно он совсем не воспринимал получаемую нагрузку.

– Сколько раз ты уже сделал? – поинтересовался Греймс.

Не отвечая на вопрос, Стен выполнил еще несколько наклонов, потом резко встал на ноги и, выдохнув скопившийся в легких воздух, произнес:

– Это был двухсотый.

– Bravo. – Греймс невольно заулыбался. – За один подход мне не сделать больше пятидесяти. Так что ты скажешь по поводу предложенных кандидатов? – Полковник вновь указал на пластиковые папки.

– Написано красиво, – усмехнулся Стен. – Осталось только проверить парней в деле.

– Боба и Марка я вызвал на нашу базу в Норфолке. Сегодня они должны появиться там. Но ты уверен, что для осуществления акции тебе будет достаточно двух человек? Подумай, может быть, следует включить в группу кого-то еще.

– Нет, – решительно ответил Стен. Сейчас для разминки мышц он выполнял различные гимнастические упражнения, отдаленно напоминающие каты у-шу. – Многочисленной разведгруппе сложнее скрываться и уходить от преследования. Поэтому три человека – это оптимальный состав.

– Но при атаке на объект вам будет противостоять целое мотострелковое отделение, – высказал сомнение полковник Греймс.

– Если эти парни действительно так хороши, как здесь о них написано, – Стен кивнул на папки с личными делами, – мы справимся.

– Что ж, решение принимать тебе, – ответил Греймс. Хотя недоверие, написанное на его лице, свидетельствовало о том, что он сомневается в возможности осуществления акции силами трех диверсантов.

Заметив это сомнение, Стен повернулся к Греймсу и сказал:

– Вам придется построить точный макет установки и установить возле нее БТР боевого охранения. На этих макетах я натаскаю группу, и вы убедитесь, что я отнюдь не преувеличиваю возможности ДРГ из трех человек.

– В построении макетов нет необходимости, – заметил Греймс. – Наши компьютерщики создали программу, которая воспроизводит действия экипажа ПКМБР и группы боевого охранения при нападении на пусковую установку. С помощью тренажера виртуальной реальности и этой программы вы сможете отрабатывать свои действия лучше, чем на самых реалистичных макетах.

– Тренажеры виртуальной реальности, – вслед за Греймсом повторил Стен. – Мне приходилось слышать про подобные компьютерные игрушки. Занятно было бы примерить их на себя.

– Примеришь, – пообещал Греймс. – А сейчас потрудись собраться. Нам пора отправляться в Норфолк. Сегодня по плану у тебя знакомство с остальными членами группы.

Стен быстро принял душ, потом переоделся в дорожный костюм, а оставшиеся вещи сложил в свою спортивную сумку.

– Я готов, – объявил он Греймсу и вместе с ним вышел из номера.

Позже, в машине, по пути на военную базу в Норфолке, Греймс вернулся к начатому в отеле разговору:

– Каким оружием ты намерен воспользоваться для выполнения предстоящей акции?

– Только российским, – безапелляционно ответил Стен. – Не потому, что я отдаю ему предпочтение. Просто объяснить возможным проверяющим наличие российского оружия будет куда легче, чем любого иностранного. Конкретные наименования я назову после того, как выясню, с какими моделями умеют обращаться рекомендованные вами парни.

Выслушав ответ своего агента, Греймс задумался над тем, какие образцы российского легкого вооружения удастся найти в арсеналах ЦРУ для тренировок готовящихся к заброске диверсантов.

Учебно-тренировочный лагерь Корпуса морской пехоты США, военно-морская база Норфолк 16.30

Из одноэтажного здания ведомственной гостиницы военно-морской базы вслед за полковником Греймсом вышли два человека в гражданской одежде. У входа их поджидал Стен. После прибытия на военную базу он настоял, чтобы сначала они отправились на вещевой склад, а уж затем в воинскую гостиницу, где, по словам полковника Греймса, должны были поселиться вызванные в Норфолк наемники. И сейчас на Стене была армейская полевая форма, правда, без знаков различия.

«Первый, конечно, Марк – снайпер, а второй, судя по всему, пулеметчик Боб», – определил Стен, глядя на двух вышедших из гостиничных дверей незнакомцев.

Марк имел просто кинематографическую внешность и, судя по всему, очень ею гордился. Именно такой вывод сделал Стен, обратив внимание на его аккуратно уложенные волосы с идеально ровным пробором. «Такой наверняка нравится бабам», – сказал себе будущий командир разведгруппы, продолжая зрительно изучать своего снайпера. Ростом и телосложением Марк напоминал самого Стена, но по сравнению с ним выглядел куда более импозантно. Он явно придавал большое значение своей внешности, о чем свидетельствовала его модная кожаная куртка, стильная рубашка с ярким шейным платком и отглаженные брюки с идеально выровненными стрелками. Оценив гардероб Марка, Стен отметил про себя: «Судя по всему, снайпер своими выстрелами зарабатывает неплохие деньги. Это надо будет учесть при построении будущих отношений с Греймсом». Стен опустил глаза ниже и уперся взглядом в начищенные до блеска черные кожаные туфли Марка на такой же кожаной тонкой подошве. Именно эти туфли, абсолютно неуместные на песчаных и гравийных дорожках военной базы, невольно вызвали у Стена улыбку. «Петух ряженный», – подумал он и перевел взгляд на второго кандидата.

Боб являл собой почти полную противоположность Марку. У него было некрасивое, широкое и скуластое лицо. Короткий ежик волос с трудом скрывал неровности его шишковатого черепа. По сравнению со Стеном и Марком Боб был более коренастым. Но его длинные, как у Стена, руки делали фигуру диверсанта непропорциональной. «Наверняка длительное время занимался вольной борьбой», – предположил Стен, разглядывая свисающие вдоль туловища руки Боба и сильно развитые мышцы его плечевого пояса. – Для пулеметчика сильные руки – именно то, что нужно. При условии, что он обладает острым зрением, хорошей реакцией и отменной выдержкой». Как и Марк, Боб тоже был в гражданской одежде, но его одежда не шла ни в какое сравнение с эксклюзивными вещами Марка. На пулеметчике были широкие мешковатые штаны со множеством карманов. Поверх штанов он носил длинную расстегнутую рубашку, под которой виднелась выгоревшая на солнце футболка.

Оценив зрительно представленных кандидатов, Стен цыкнул сквозь зубы и с усмешкой посмотрел на Греймса: «Ну и воинство ты мне подобрал. Один – подиумный красавчик, второй – уличный танцор рэпа или хип-хопа». Однако он не озвучил пришедшее на ум язвительное сравнение, так как по опыту своих предыдущих акций знал, что внешний вид профессионального диверсанта может быть весьма обманчив.

– Знакомься, Марк и Боб, – представил своих спутников Греймс, перехватив насмешливый взгляд Стена. – А это, парни, ваш будущий командир. Его зовут...

– Циклоп! – опередил Греймса Стен.

– Это что, твоя кличка? – поинтересовался Марк, наградив Стена презрительным взглядом.

– Клички бывают у собак да у таких жеребцов, как ты! – повысил голос Стен. – Циклоп – мое последнее погоняло, если хочешь, оперативный псевдоним! Пока мы не получим легендированные имена, ты будешь называть меня именно так! И ты тоже! – добавил Стен, пристально взглянув в глаза Боба.

Марк не ответил на прозвучавшее из уст Стена оскорбление, однако смотрел все так же презрительно. На его лице вообще не дрогнул ни один мускул. Боб попытался изобразить улыбку, но она получилась натянутой. Стен и отобранные Греймсом кандидаты в его диверсионно-разведывательную группу продолжали молча изучать друг друга. Марк первым нарушил установившееся молчание.

– И долго мы еще будем здесь стоять? – обратился он к Стену все с той же надменной ухмылкой.

Стен метнул в Марка испепеляющий взгляд и неожиданно для всех выдал по-русски:

– Если ты еще раз без моего разрешения разинешь пасть, я заткну ее твоим собственным членом!

Произнеся столь смачную фразу, он не отвел взгляда, продолжая следить за реакцией снайпера. Когда смысл сказанного наконец дошел до Марка, улыбка исчезла с его лица, уголки рта подтянулись, а глаза вспыхнули мстительным огнем.

– Ты еще сам будешь сосать у меня, – шепнул Марк себе под нос.

Но чуткое ухо Стена уловило его ответ. «Во всяком случае, ты понимаешь русскую речь», – удовлетворенно отметил Стен и повернулся к Бобу.

– Пулеметчик, сколько патронов вмещается в магазин ручного пулемета Калашникова? – выдал он новую фразу на родном языке.

– Тридцать. Нет, сорок! – тут же поправился Боб.

По-русски он говорил довольно сносно. Во всяком случае, оба названных Бобом числительных прозвучали без всякого акцента. И хотя Стен остался доволен результатом устроенного пулеметчику экспресс-теста, он отрицательно мотнул головой и произнес:

– Ручной пулемет Калашникова снаряжается двумя видами магазинов...

– Так точно, – поспешно вставил по-русски Боб. – Рожковым, емкостью сорок патронов, или дисковым на семьдесят.

– Это надо знать четко, а отвечать сразу и без запинки, – переходя на английский, прокомментировал Стен ответ Боба. «Изъясняется довольно коряво, но в целом сойдет. Для необходимого общения словарного запаса хватит. Да и мне нужны не ораторы, а стрелки. Кстати, самое время проверить их в деле». Он вновь развернулся к Марку: – Ты заикался, что тебе надоело стоять? Сейчас вам обоим представится возможность прилечь.

Произнеся последнюю фразу, Стен развернулся и зашагал в сторону стрельбища, откуда доносились приглушенные расстоянием звуки одиночных выстрелов и коротких очередей. Шагая вперед, Стен ни разу не обернулся, однако заметил своим боковым зрением, что и полковник Греймс тоже двинулся в сторону стрельбища. Предварительно переглянувшись с Марком, за Греймсом последовал Боб. А еще через несколько секунд, недовольно покачав головой и сплюнув себе под ноги, к процессии присоединился и Марк. «Вот так, красавчик, – продолжая наблюдать за Марком, удовлетворенно отметил Стен. – Или ты сам признаешь мой авторитет, или я заставлю тебя это сделать».

На стрельбище тренировалось в коллективной стрельбе отделение морских пехотинцев. Под руководством инструктора солдаты отрабатывали упражнение «Отражение контратаки превосходящего по численности противника». Стрелки залегли на покрытом искусственными насыпями и воронками поле и, используя неровности рельефа в качестве индивидуальных укрытий, вели огонь по поднимающимся под управлением оператора мишеням. Стен первым

достиг линии сигнальных флажков и остановился перед натянутой поперек дорожки ярко-оранжевой лентой. Сзади к нему подошел полковник Греймс.

– Как тебе тренировка? – шепотом, чтобы не услышали идущие следом Боб и Марк, поинтересовался он у Стена.

– Пейнтбол, – пренебрежительно ответил тот. – Во время обстрела осколочными гранатами они даже голов не высунут из воронок, не говоря уже про ответную стрельбу.

– Ну, будь снисходительнее, – постарался защитить Греймс своих соотечественников. – Это же все-таки новобранцы.

– Да какая разница?! – опять повысил голос Стен. – Каков бы ни был в армии уровень боевой подготовки, если эта армия не воюет, ее солдаты деградируют. А когда последний раз ваши войска участвовали в наземной операции?!

От вступления в полемику со своим агентом Греймса спас сержант-инструктор, заметивший появившихся на стрельбище посторонних людей и поспешивший им навстречу. Греймс предъявил инструктору свое офицерское удостоверение и сообщил о намерении провести с группой своих людей тренировочные стрельбы. Стен, наблюдая за руками Греймса, заметил, что тот продемонстрировал не служебный пропуск сотрудника ЦРУ, а типовое удостоверение полковника регулярной армии.

– Эти люди тоже будут стрелять? – Инструктор кивнул в сторону Боба и Марка, одежда которых абсолютно не соответствовала прозвучавшему из уст Греймса намерению.

Греймс уже собирался ответить, но Стен вновь опередил его:

– Сержант, не задавайте вопросов, а выполняйте приказ полковника!

– Да, сэр! – отчеканил тот в ответ.

– Нам понадобится снайперская винтовка и ручной пулемет, – добавил Стен, обращаясь к сержанту.

– Есть, сэр! – так же четко, как в первый раз, ответил тот. – Как только отделение закончит выполнение упражнения, пройдите на огневую позицию.

Выпустив из магазинов остатки патронов, морские пехотинцы закончили стрельбу. Командир отделения построил своих солдат в колонну по одному и увел их с полигона. На стрельбище остались лишь сержант-инструктор, который по приказу Стена вынес на рубеж открытия огня армейскую снайперскую винтовку и ручной пулемет, да ассистирующий ему солдат на наблюдательной вышке, за пультом оператора.

Опередив своих спутников, Стен первым вышел на рубеж открытия огня и с интересом принялся осматривать предложенное инструктором оружие. Армейский ручной пулемет, состоящий на вооружении мотопехотных подразделений американской армии, был хорошо известен Стену еще со времен его службы в российском «Каскаде» (в спецподразделении ГРУ уделялось большое внимание изучению основного стрелкового оружия главного противника). А вот мощную снайперскую винтовку «Т-76» – полное название «Т-76 Longbow», новейшая американская снайперская винтовка среднего калибра с эффективной дальностью стрельбы до 1500 м, производства американской оружейной фирмы Dakota – бывший российский спецназовец увидел впервые. Стен передернул винтовочный затвор, подав из магазина в патронник первый патрон. По удлиненной блестящей гильзе и остроконечной пуле он узнал особо мощный патрон «338 Lapua Magnum», применяющийся для снайперской стрельбы на дистанциях свыше одного километра, и одобрительно кивнул. Еще не зная характеристик снайперской винтовки, уже по одному ее внешнему виду и применяемому боеприпасу Стен догадался, что держит в руках первоклассное оружие. Пока он изучал новую для себя снайперскую винтовку, на огневую позицию вышли и Греймс с Марком и Бобом. Первоначально Стен собирался проверить способности выбранного Греймсом снайпера, но, заметив прежнюю надменную улыбку на его лице, обратился к Бобу, который выглядел более заинтересованным:

– Отработаешь то же упражнение, что и морпехи, – стрельба отделением. В роли отделения выступишь ты. Твоя задача – поразить все появившиеся мишени за максимально короткое время. Стрелять будешь не по команде, а когда заметишь первую мишень.

Выслушав Стена и получив молчаливое подтверждение Греймса, Боб подхватил с земли приготовленный сержантом-инструктором пулемет и проворно побежал по стрельбищу к огневой позиции, где недавно лежали морские пехотинцы. Плхнувшись в невысокую траву возле одной из искусственных насыпей, он установил перед собой пулемет и изготовился к стрельбе. Тем временем Стен поднялся на наблюдательную вышку и обратился к оператору, управляющему подъемом мишеней:

– Сколько всего поднимаемых мишеней на вашем стрельбище?

– Двадцать пять, – незамедлительно ответил оператор.

– Будешь поднимать их по моему счету, начиная с самой дальней, – распорядился Стен и, подождав, когда секундная стрелка на его наручных часах достигнет отметки «двенадцать», начал считать: – Раз... два, три, четыре... пять, шесть...

На стрельбище одна за другой вздымались над землей выпиленные из фанеры грудные и ростовые фигуры, а Боб поражал их короткими очередями. Продолжая называть следующие номера, Стен следил, как вновь ложатся в траву прошитые пулями фанерные листы. Из-за больших размеров стрельбища пулеметчик не мог одновременно видеть все появляющиеся мишени. Но Боб быстро разворачивал свой пулемет, соответственно меняя и сектор обстрела, и все новые фигуры условных противников, пораженные его выстрелами, опускались обратно на землю.

– ...двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, – закончил счет Стен.

Схватив в руки пулемет, Боб перекатился через спину и, направив ствол в сторону трех последних появившихся мишеней, нажал на спусковой крючок. Раздалась короткая очередь, в течение которой пулемет выплюнул две последние пули и с последней экстрагированной гильзой встал на затворную задержку. Ближняя к Бобу мишень, получив две пробоины, легла обратно в траву, но две другие остались стоять. Израсходовав весь боекомплект, Боб не знал, что делать, поэтому тоже поднялся на ноги и оглянулся на исходную позицию, откуда за ним наблюдали инструктор по огневой подготовке с военной базы и полковник Греймс вместе с другим своим агентом. Не заметив среди наблюдателей Циклопа, Боб недоуменно покрутил головой, после чего поднял с земли ручной пулемет и двинулся к исходной позиции. Тем временем на наблюдательной вышке Стен обратился к оператору:

– Мне нужно ненадолго спуститься вниз. А когда я поднимусь, мы продолжим наше упражнение.

– В этом нет необходимости, – ответил оператор и в ответ на недоуменный взгляд Стена пояснил: – Я хочу сказать, что вы можете и не подниматься сюда. С руководителем стрельб я поддерживаю связь по рации. – Оператор указал взглядом на миниатюрную коробку передатчика с коротким штырем антенны у себя на столе. – У сержанта внизу есть точно такая же. С их помощью мы и общаемся.

«Идиот! – обругал себя Стен. – Забыл, что ты не в России, где с каждым новым приказом нужно самому лазить на вышку, вместо того чтобы элементарно воспользоваться рацией». Однако вслух он сказал совсем иное:

– Оставьте свои замечания при себе! Второй стрелок, который сейчас будет вести огонь, не должен раньше времени догадаться, по какому алгоритму будут подниматься мишени.

После такого замечания оператор счел за лучшее промолчать. Стен тоже больше ничего не добавил к своим словам и по лестнице быстро спустился вниз. Боб уже вернулся на исходную позицию и сейчас стоял рядом с Марком и Греймсом.

– Ты не справился с задачей! – объявил ему Стен, указав рукой на две оставшиеся непокрытыми мишени. – Сейчас ты был бы уже убит. Однако тебе повезло, так как в предстоя-

щей схватке тебе придется столкнуться с меньшим числом противников. Сегодня на поражение двадцати трех целей ты затратил девяносто секунд, в среднем по четыре секунды на одного противника. Это очень много, так как за то же время остальные могли неоднократно напиговать тебя свинцом. Поэтому, чтобы выжить в предстоящей акции, тебе придется научиться укладываться в минуту.

Не трата время на то, чтобы выслушать возможный ответ Боба, Стен резко повернулся к Марку:

– Теперь твоя очередь. Бери винтовку и покажи, на что ты способен. Стрелять будешь вот отсюда. – Стен указал снайперу на ближайшую к исходному рубежу искусственную воронку. – Задача та же: максимальное количество пораженных целей за минимальное время.

Марк молча взял в руки снайперскую винтовку и, похлопав рукой по выступающему из нее ложи коробчатому магазину, произнес:

– Но у меня только пять патронов.

– Сержант! Еще один магазин, – обратился Стен к инструктору по огневой подготовке.

Тот направился к наблюдательной вышке, на первом этаже которой располагался пункт боепитания, и вернулся оттуда со вторым снаряженным магазином. Стен швырнул его Марку:

– Перезарядишь во время стрельбы.

Марк одной рукой поймал на лету магазин и вместе с ним и винтовкой направился к указанной Стеном воронке. Из того, что он не поинтересовался у сержанта-инструктора, каким образом перезаряжается магазин, Стен сделал вывод, что снайпер знаком с данной моделью оружия. Когда Марк отошел на достаточное расстояние и уже не мог слышать его слов, Стен приказал сержанту связаться по рации с оператором на наблюдательной вышке.

– По моему счету поднимете десять мишеней: восемь дальних, а две последние – ближние, по краям стрельбища, – объявил он задачу оператору в микрофон сержантской рации.

Взглянув после этого на Марка, Стен увидел, что тот все еще не занял указанную огневую позицию. В отличие от Боба Марк действовал неторопливо. Спустившись в воронку, он долго выбирал себе место, затем снял с себя кожаную куртку, аккуратно уложил ее изнанкой на вырытую землю и лишь после этого улегся сверху. «Вот так, пижон, – мстительно ухмыльнулся Стен, наблюдая, как Марк пытается поджать под себя ноги, чтобы меньше запачкать землей свои фирменные брюки. – Впредь будешь знать, в чем следует являться на представление командиру».

Наконец Марк расположился в искусственной воронке и прижал к щеке приклад своей винтовки. Стен вновь начал считать, четко выговаривая в микрофон номера мишеней:

– Раз, два, три...

Он практически не делал пауз, так как ни одна из поднимаемых оператором мишеней не успевала простоять более трех секунд, а вновь опускалась на землю, сраженная точным выстрелом Марка. Не сделав ни одного промаха, Марк расстрелял первый магазин, поразив пять поднятых по команде Стена мишеней.

– Шесть, семь... – сосчитал Стен.

На стрельбище, в трехстах метрах от снайпера, возникли две ростовые фигуры, но выстрелов не было – Марк менял магазин.

– Восемь! – произнес Стен.

В двухстах пятидесяти метрах от снайпера появилась третья фигура, но Марк уже отсоединил от винтовки пустой магазин и тут же вставил на его место новый. Снайпер припал к оптическому прицелу, выбирая цель, и одновременно передернул винтовочный затвор, досылая патрон в патронник. Три выстрела прозвучали с интервалом менее одной секунды. И все три поднявшиеся мишени разом легли обратно в траву.

– Девять, десять! – закончил Стен.

На левой и правой границах стрельбища встали вертикально последние две грудные фигуры. Они поднялись за пределами сектора обстрела снайпера, поэтому в первый момент Марк их не увидел. Но уже в следующее мгновение он догадался взглянуть на фланги и сразил обе мишени двумя точными выстрелами. Явно довольный собой, Марк поднялся на ноги и, подобрав с земли свою кожаную куртку, вернулся на исходную позицию. Поймав восхищенный взгляд сержанта-инструктора, Марк посмотрел на Стена. Но при всем его желании у того не было повода придирается к стрельбе снайпера. Во время выполнения тренировочного упражнения «пижон» действительно показал себя первоклассным стрелком. В то же время Марк не собирался прощать Стену свои испачканные землей брюки и куртку.

– Было бы интересно взглянуть, на что способен наш командир, – с ироничной улыбкой заметил он. – Как, Циклоп, не желаешь поупражняться?

С этими словами Марк протянул Стену снайперскую винтовку, но тот отстранил ее от себя:

– У каждого свое оружие. – Стен повернулся к стоящему неподалеку инструктору по огневой подготовке: – Сержант, у вас найдется для меня пистолет?

Инструктор молча кивнул и, достав из поясной кобуры свой личный пистолет, передал его Стену. Стен взял в руки тяжелый армейский «кольт-М1911А1» и взвесил его в руке. Ему явно повезло в том, что инструктор по огневой подготовке отдавал предпочтение известному своей безотказностью и надежностью оружию, а не новомодным образцам карманной артиллерии, неизвестным бывшему офицеру российского спецназа. С пистолетом в руке Стен направился к урне, установленной возле наблюдательной вышки. Там среди многочисленных окурков и смятых сигаретных пачек он нашел несколько пустых банок из-под кока-колы и с одной из них вернулся обратно.

– По моей команде подбросишь вверх. – Стен швырнул банку Марку, а сам передернул затвор пистолета и, обхватив оружие двумя руками, изготавился для стрельбы. – Давай!

Марк подбросил вверх пойманную банку, но сделал это недостаточно сильно. Стен прицелился в летящую банку, но так и не открыл огонь, и та шлепнулась обратно на землю. В установившейся на стрельбище тишине издевательски прозвучал смешок Марка. Стараясь не замечать язвительную улыбку на его лице, Стен снова подобрал банку и вручил ее Бобу:

– Надеюсь, у тебя осталось больше сил, чем у твоего напарника.

Вернувшись на исходную позицию, Стен повернулся к Бобу и крикнул:

– Бросай!

Выпущенная мускулистой рукой Боба пустая консервная банка взлетела вверх со скоростью брошенной ручной гранаты. В верхней точке ее траектории Стен поймал банку на мушку и плавно спустил курок. Все присутствующие на стрельбище заметили, как одновременно со звуком выстрела подброшенная банка отлетела в сторону. Она все еще продолжала лететь, когда Стен выстрелил второй раз. Банка вновь перевернулась в воздухе и уже только после этого упала на землю. Вновь установившуюся после выстрелов тишину первым нарушил сержант-инструктор.

– Это не случайность? Вы действительно знали, что и вторая пуля попадет в цель? – изумленно спросил он у Стена.

– Из пристрелянного пистолета я обычно всаживаю в подброшенную банку не две, а три пули, – авторитетно заявил Стен, возвращая сержанту его оружие, после чего, повернувшись к Бобу и Марку, объявил: – Два часа на то, чтобы почиститься, привести себя в порядок и получить на вещевом складе полевую форму. Через два часа, в этой форме, вы должны быть в компьютерном классе.

Когда Марк и Боб скрылись в направлении гостиницы, полковник Греймс обратился к Стену:

– Как они тебе?

– Годаются, – коротко ответил Стен.

– Они действительно первоклассные бойцы, – продолжал Греймс. – Для тебя я отобрал самых лучших. А то, что Марк цепляется к тебе, ты должен это понять. Он бы цеплялся к любому командиру. В паре снайпер и его напарник Марк всегда был первым номером. Поэтому для него непривычно, да и несколько унизительно сейчас оказаться в подчинении у другого командира. Ты уж постарайся его понять.

– Мне не нужно ничего понимать! – резко ответил Стен. – Я уже сказал, что в качестве бойцов ДРГ они мне подходят. И если Марк хочет вернуться из предстоящего рейда живым, ему придется в точности выполнять мои приказы! Поэтому выбор у него только один – признать за мной право командира или умереть!

Полковник Греймс отнюдь не был согласен со своим агентом, но решил не возражать Стену. У него уже не осталось ни времени, ни возможностей заменить командира диверсионно-разведывательной группы или кого-то из его людей.

Компьютерный класс учебного центра военно-морской базы в Норфолке 13.05, понедельник, 12.10

Сначала слышался равномерный механический гул. Затем на поляну из чащи выехал БТР. Это была хорошо знакомая Стену «восьмидесятка». В свое время он исколесил сотни километров по территории Чечни именно на таких машинах. Ему приходилось передвигаться на БТР в отсеке, предназначенном для перевозки десанта, в башне, на месте командира, и даже за рычагами управления, заменяя убитого в бою механика-водителя. За это время Стен прекрасно изучил боевые возможности БТР, как и его уязвимые места.

Из зарослей подлеска вместе со Стеном за БТР наблюдали и Боб с Марком. Стен не видел своих бойцов. Но ему это и не требовалось, так как всего несколько минут назад он сам определил для них позиции. Куда важнее было то, чтобы притаившихся возле опушки диверсантов не заметили наблюдатели с БТР. Не снижая скорости, бронетранспортер промчался мимо, из чего Стен сделал вывод, что подготовленная им засада осталась незамеченной. БТР уже скрылся за окаймляющими поляну молодыми елями, но сопровождающий его механический гул не только не ослаб, а, наоборот, стал еще слышнее. Гул нарастал, и вот вслед за БТР из-за ближайших елей появился огромный семиосный тягач. Сначала Стен увидел его раздвоенную кабину и возвышающуюся над ней переднюю часть транспортно-пускового контейнера баллистической ракеты. Появление на поляне тягача-транспортера стало для диверсантов сигналом готовности. Стен взял левой рукой за цевье своего десантного автомата «9А-91» и поднял оружие на уровень глаз. Боб, притаившийся с противоположной стороны поляны за корнями вывороченного из земли старого пня, должен был сделать то же самое.

– Готовность, – прошептал Стен в микрофон миниатюрной рации, закрепленной с помощью широкого эластичного бинта у него на голове.

Из вставленной в ухо капсулы-динамика тут же донесся шепот Марка:

– Первый готов. Цель вижу.

– Второй готов, – добавила капсула голосом Боба.

Стен на секунду отпустил пистолетную рукоятку автомата и, опустив руку в правый карман своей куртки, нажал кнопку миниатюрного радиопередатчика, тем самым активизировав кумулятивный фугас, зарытый на трассе следования тягача. Тем временем тягач уже полностью выехал на лесную поляну. В вырезанном среди ветвей «волчьего лыка» «окне» Стен полностью видел левый борт транспортера с установленной на нем баллистической ракетой, а через боковое стекло кабины даже различал силуэт управляющего тягачом водителя.

– Первый, огонь! – коротко приказал он.

Заполняющий лесную опушку низкий механический гул на мгновение перекрыл сухой щелчок прозвучавшего выстрела, и лобовое стекло левой башни-кабины ракетного тягача раскололи лучи расходящихся трещин. Из своего укрытия Стен увидел, как откинулась назад фигура сидящего в кабине водителя и начала заваливаться на бок.

– Второй, к бою! – уже в полный голос крикнул Стен и одновременно с отданным приказом прямо через кусты бросился к транспортеру.

Потерявшая управление машина замедлила ход, а затем и вовсе остановилась. Это позволило Стену с ходу вскочить на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к водительской двери левой кабины. Дотянувшись рукой до дверной ручки, Стен ухватился за нее и легко забросил свое тренированное тело на верхнюю площадку кабины. Через стекло кабины он разглядел лежащий на боку труп водителя. О том, что это именно труп, свидетельствовало входное пулевое отверстие в голове водителя, чуть ниже его правого глаза. Со стороны правой башни

кабины раздалась короткая очередь. Стен узнал по звуку автомат Боба и понял, что это его боец расправился с водителем во второй кабине.

В этот момент позади левой водительской двери распахнулась стальная дверь боевого отделения ракетчиков, больше похожая на крышку люка. Оттуда со складным автоматом «АКС-74У» выглянул офицер в полевой форме, но Стен тут же сразил его короткой очередью своего десантного автомата. Офицер выронил из рук «калашников» и повис, наполовину вывалившись из открытого люка. Расстреляв офицера, диверсант змеей прополз по броне транспортера и, сунув ствол своего автомата в открытый люк, нажал на спуск и не отпускал его, пока в магазине не кончились патроны. Крики раненных его выстрелами ракетчиков потонули в грохоте автоматной очереди. Тем не менее сквозь грохот собственных выстрелов Стен сумел расслышать скрежет другого открываемого люка, а затем звук удара его распахнутой крышки по броне транспортера. Грохнуло прямо над головой Стена, из чего тот сделал вывод, что выжившие ракетчики сумели открыть запасной люк боевого отсека и через него выбраться на крышу транспортера. Перепрыгнув через труп офицера, застрявшего в бортовом люке, диверсант метнулся под прикрытие ракетного контейнера.

Боб оказался не столь внимателен или расторопен и не успел сменить свою позицию до того, как из верхнего люка высунулся первый ракетчик. Боковым зрением Стен успел заметить, как показавшийся на крыше транспортера боец проворно навел свой автомат на замешкавшегося возле правой башни кабины диверсанта и нажал на спуск. Сам Стен уже был у ракетчика за спиной и поспешно перезаряжал опустевший магазин своего автомата. При первых выстрелах бойца-ракетчика диверсант вскинул свой автомат и разрядил его прямо в затылок солдата. Череп ракетчика разлетелся на куски, а его обезглавленное тело провалилось обратно в люк. Диверсант тут же бросился к люку, намереваясь добить остальных бойцов ракетного расчета.

В этот момент с противоположной стороны поляны, до которой так и не доехал ракетный тягач, оглушительно взревел двигатель бронетранспортера боевого охранения. И почти сразу же все утонуло в грохоте взрыва кумулятивного фугаса, разорвавшегося под колесами БТР. Мощность фугаса подбиралась с таким расчетом, чтобы уничтожить весь экипаж бронетранспортера, поэтому Стен не стал даже оглядываться на взорвавшийся БТР. Взобравшись на крышу ракетного тягача, он увидел распластавшееся на земле тело Боба с многочисленными пулевыми ранениями, из которых вытекали струйки темно-вишневой, почти коричневой крови. Не задерживая взгляда на труп погибшего бойца, командир диверсионной группы упал на колени перед распахнутой крышкой верхнего люка и, направив автоматный ствол в его зияющее чернотой отверстие, начал на спуск. Неожиданно для Стена грохот прозвучавших выстрелов оказался гораздо громче, чем у его десантного автомата. В следующее мгновение перед глазами диверсанта вспыхнула ярко-красная надпись «Ранение!», и одновременно с ней Стен почувствовал, как у него отнялась левая нога. Он не почувствовал боли, но ясно ощутил, что больше не может держаться на броне транспортера, и полетел с крыши вниз. Упав на траву, Стен скосил глаза в сторону подорвавшегося на mine бронетранспортера, и только тогда сообразил, что каким-то образом выживший при взрыве командир БТР ведет по нему огонь сразу из двух спаренных пулеметов.

«Ранение!» – вновь вспыхнула перед глазами Стена все та же красная надпись, и он понял, что не чувствует не только свою левую ногу, но и весь левый бок. В следующее мгновение оглушающий лежащего на траве диверсанта грохот пулеметных очередей разом оборвался. «Вы убиты!» – прочитал Стен неизвестно откуда взявшуюся в его мозгу кроваво-красную надпись, вслед за которой наступила полная темнота...

* * *

Первыми вернулись звуки. Поначалу бессвязные, они прорывались в сознание Стена сквозь непроглядную тьму. Постепенно звуки начали складываться в отдельные слова и даже фразы. И вот уже Стен сообразил, что слышит английскую речь. Затем что-то невидимое сильно натянуло кожу у него на лице. Послышался протяжный чавкающий звук, и с лица диверсанта слезла плотно прижатая резиновая маска. В глаза тут же ударил свет люминесцентных ламп компьютерного класса. Стен зажмурился. После темноты «смерти» бьющий в глаза свет показался ему слишком ярким. Стен задержался в обвивающих его тело ремнях подвески тренажера виртуальной реальности и зашелся в приступе душившего его кашля. Возвращение после виртуальной гибели в реальный мир всякий раз проходило мучительно. В соседней подвеске, подобно Стену, пыхтел и отплевывался Боб. С него тоже только что сняли проекционную маску, и он еще не пришел в себя. Из всех трех диверсантов, побывавших в виртуальном бою с пусковым расчетом российской межконтинентальной баллистической ракеты и отделением боевого охранения, только Марк выглядел более-менее сносно. Он тоже тяжело дышал, но, в отличие от Стена и Боба, не отплевывался и не кашлял. В только что смоделированном компьютером виртуальном бою Марк не погиб и даже не был ранен, поэтому и возвращение в реальный мир он перенес гораздо легче и спокойнее. Взглянув на Марка, Стен заметил на его лице откровенно язвительную улыбку. «Сука, надеешься и во время реальной акции отсидеться в засаде. Так вот хрен тебе!» – мстительно подумал Стен.

Пока двое техников расстегивали на Стене ремни подвески и освобождали его от скафандра, воспроизводящего ощущения реального боя, к диверсанту подошел полковник Греймс. Весь ход нападения на передвижной комплекс межконтинентальной баллистической ракеты он наблюдал на экране монитора, поэтому не хуже самих участников нападения был осведомлен о ходе боя.

– Это уже третья попытка, а результат тот же, – напомнил он Стену. – Вы с Бобом убиты, а ни ракетный расчет, ни боевое охранение полностью так и не уничтожены. К тому же во всех трех случаях командир ракетного расчета успел подать на базу сигнал тревоги. Правда, по вашему настоянию компьютерщики присвоили всем вашим противникам третий уровень подготовки. А это почти спецназ. По нашим данным, огневая подготовка у солдат отделения прикрытия соответствует второму уровню, а у ракетчиков вообще первому. Если установить в программе реальный уровень сложности, возможно, у вас все и получится.

– Нет! – решительно возразил Стен. – Уровень боевой подготовки установлен правильно. Нельзя, чтобы они, – командир диверсионной группы мотнул головой в сторону Боба и Марка, которые только что с помощью техников наконец выбрались из имитационных скафандров, – недооценивали противника. А вот план атаки на колонну тактически составлен неверно. Как мы убедились, даже при подрыве усиленного фугаса невозможно полностью уничтожить бронетранспортер. Значит, кто-то из состава боевого охранения может выжить и, как в последнем случае, помешать выполнению акции. Вторая ошибка – это пассивность снайпера. Ведь, застрелив водителя тягача, он уже не участвует в дальнейшем бою. В то время как на транспорте еще остается пусковой расчет ракетчиков.

– Но снайперская винтовка слишком громоздка, чтобы с ней атаковать транспортер, – высказал сомнение Греймс.

– Винтовку необходимо заменить! – заявил ему Стен. – Какой смысл тащить с собой «СВД», если стрелять из нее приходится только один раз, причем по цели, расположенной за стеклом водительской кабины!

Громкий голос Стена привлек внимание Марка, и он поспешил вмешаться в разговор:

– А как же БТР? Если там кто-нибудь выживет и начнет лупить по вас из пулеметов?! С «СВД» я по крайней мере смогу прикрыть ваши задницы, так как ее пуля пробивает броню БТР, в отличие от штурмовой винтовки.

– Что же ты не прикрыл меня сейчас, когда стрелок с БТР мочил меня сразу из двух стволов?! – резко повернувшись к Марку, воскликнул Стен. – Ты же ни черта не видишь сквозь броню! Пока ты нащупаешь пулеметчика своими выстрелами, он сделает из нас с Бобом дуршлаг!

После такого словесного отпора Марк пристыжено замолчал. Воспользовавшись его молчанием, Стен вновь повернулся к Греймсу:

– Мне потребуется «муха». С ее помощью я сожгу БТР. А «СВД» необходимо заменить на «ВСК-94». Эта малогабаритная снайперская винтовка вполне подойдет и в качестве штурмовой. Скажите своим компьютерщикам, чтобы внесли в программу соответствующие изменения: гранатомет мне и новое оружие снайперу. – Греймс понимающе кивнул, а Стен, обратившись к Бобу и Марку, громко объявил: – Час на отдых! Через час быть здесь для получения скорректированного плана операции! После этого новый прогон на тренажере!

– Есть, – устало ответил Боб.

Марк ничего не сказал, лишь недовольно скривил свои тонкие губы. Но и без его ответа Стен знал: к назначенному сроку снайпер явится в компьютерный класс для получения нового боевого приказа.

Побережье Атлантики, военно-морская база в Норфолке 17.05, пятница, 19.15

Пучки водорослей, уродливые коряги и черные от долгого пребывания в соленой воде щепки валялись на прибрежном песке, выброшенные на берег недавно разыгравшимся в Атлантике штормом. По берегу медленно брели два человека. Стен вышел на прогулку босиком. Влажный морской песок приятно охлаждал натруженные за день босые ступни. Полковнику Греймсу холод сырого прибрежного песка, наоборот, был неприятен. Но чтобы не набить песком и не исцарапать о мелкие камни свои фирменные кожаные туфли, ему тоже пришлось разуться и нести туфли в руках.

– Подготовка закончена. Вы пробудете на базе лишь до конца недели, – напомнил Греймс Стену. – Твои люди сегодня отправились в город. Интересно, почему ты с ними не поехал? Бары, женщины – в русской тайге ничего этого не будет. Помнится, когда-то ты говорил мне, что не можешь долго обходиться без женщины?

Поддержав ироничный тон Греймса, Стен с усмешкой ответил:

– Местные шлюхи обслуживают круглосуточно, так что трахнуться с ними я еще успею. – Но после произнесенной фразы усмешка исчезла с лица Стена, и он уже абсолютно серьезно добавил: – К чему лукавить, мистер Греймс. Вы бы все равно не отпустили меня развлекаться без этого разговора. Так о чем вы хотели поговорить?

Прямой вопрос агента несколько выбил полковника ЦРУ из равновесия. Но Греймс быстро взял себя в руки и уже спокойным голосом спросил:

– Как ты оцениваешь результаты прогонов на виртуальном имитаторе?

– Вас беспокоит, что ни одна из атак не обходится без потерь? – поинтересовался Стен. – Напрасно. Главное, что мы гарантированно уничтожаем боевое охранение и всю команду ракетчиков. Что же касается моих потерь... – Стен остановился, чтобы отшвырнуть ногой попавшийся ему на пути пучок водорослей. – Поверьте мне на слово, один я сумею уйти от преследования ничуть не хуже, чем в составе группы. – «А даже лучше», – мысленно добавил он.

Греймс решил сменить тему:

– Мне сообщили, что «Les Baer»¹¹ закончила изготовление «токаревых» по твоему заказу. Кучность у обоих пистолетов просто изумительная. В серии из пяти контрольных выстрелов на дистанции пятьдесят метров все пять пуль уложились в пятидесятимиллиметровый круг. Завтра оба «токарева» доставят на базу, и ты сам сможешь их оценить.

– Боекомплект? – тут же поинтересовался Стен.

– Сорок патронов с экспансивной пулей и еще столько же с пулей повышенной пробиваемости, снабженной твердосплавным сердечником. Сможешь продырявить любой бронежилет.

В подтверждение своих слов полковник ЦРУ указательным пальцем ткнул своего агента в грудь. Командир диверсионной группы посмотрел, куда нацелен палец его куратора, и тихо, но весьма отчетливо произнес:

– Уберите руку и больше никогда так не делайте, если не хотите остаться без пальца.

Греймс поспешно опустил руку и, чтобы побыстрее разрядить возникшую из-за его необдуманного жеста напряженность, сказал:

– Ты обещал подумать над дополнительным снаряжением.

¹¹ Les Baer – американская оружейная фирма, специализирующаяся на штучном производстве высокоточных пистолетов, изготавливаемых с учетом пожеланий и индивидуальных особенностей каждого конкретного стрелка.

– Кроме химикатов и чистых бланков паспортов и прочих документов, больше ничего не нужно, – после довольно продолжительной паузы ответил Стен. – Дополнительное снаряжение – это всегда лишний груз. Успех операции будет прежде всего зависеть от мобильности группы. Ведь нам придется буквально гоняться за «Гризли». Каждый лишний килограмм снаряжения будет ограничивать нашу мобильность.

– Все это верно, – согласился полковник, – И все же, не делаешь ли ты ошибку, полностью отказываясь от бесшумного оружия?

– А зачем оно в тайге, где на сотню километров нет ни одного живого человека? – усмехнувшись, переспросил Стен. – Но если уж мы заговорили о бесшумном оружии, мне нужен яд. Яд должен быть в водорастворимых драже или таблетках и не иметь вкуса и запаха.

– Вы что же, собираетесь угощать ракетчиков отравленным напитком? – поинтересовался Греймс.

Стен не ответил, но Греймс не стал переспрашивать, так как быстро сообразил, что его последний вопрос оказался неуместным. Во время подготовки операции, в ходе которой предполагается уничтожить не менее десятка человек, у исполнителя не спрашивают, для чего ему может понадобиться то или иное средство убийства.

Главное разведуправление Генерального штаба, Хорошевское шоссе, Москва 23.05, четверг, 09.05

Желтый маркер оставил на листе очередную жирную полосу. Старший офицер штаба Главного разведуправления Российской армии подполковник Федоров положил маркер на стол и еще раз пробежал глазами отмеченный текст. Ежедневно рабочий день подполковника Федорова начинался с изучения справок аналитического отдела, составляемых на основании отчетов зарубежной резидентуры ГРУ. Это были уже адаптированные справки, в которых не упоминались оперативные псевдонимы агентов и фамилии резидентов, добывших ту или иную информацию. Если начальник штаба или кто-то из руководителей ГРУ пожелают более подробно ознакомиться с тем или иным сообщением, ему будет предоставлен развернутый отчет с указанием источников и способов добычи информации. Но такое случается крайне редко. Как правило, руководители ГРУ ограничиваются прочтением тех сообщений, которые отмечают для них штабные офицеры рангом ниже. Их задача как раз и заключается в том, чтобы выбирать во всей массе сводок и отчетов сообщения, заслуживающие внимания руководства военной разведки.

Федоров изучал отчеты, поступающие из стран Восточной Европы – бывших союзников СССР по Варшавскому договору, а ныне активно добивающихся членства в НАТО. Последовательные в своем стремлении войти в Североатлантический альянс, эти страны практически не препятствовали деятельности западных спецслужб на своей территории. А уж если речь шла о проведении разведывательных операций в отношении России, даже, старались использовать любую возможность, чтобы продемонстрировать натовским спецслужбам свою лояльность. Российской же разведке, в том числе и военной, с каждым годом, наоборот, становилось все сложнее осуществлять свою деятельность в странах бывшего социалистического лагеря. Тем не менее даже в таких условиях разведке порой удавалось добывать весьма ценную информацию.

Оттеночный маркер мелко задрожал в руке Федорова, когда он в следующем абзаце аналитической справки наткнулся взглядом на знакомую фамилию. Варшавский резидент ГРУ сообщал о визите в Польшу американского гражданина Эдварда Греймса, прибывшего в американское посольство вместе с тремя морскими пехотинцами. «Охраняющие все американские посольства морские пехотинцы ежегодно подвергаются ротации, – вспомнил Федоров. – Поэтому в самом факте прибытия в Польшу трех морпехов нет ничего примечательного. Вот только Греймс не должен иметь к этой процедуре ротации никакого отношения». Поставив маркером рядом с взволновавшим его абзацем жирную черту и выделив в тексте фамилию Греймса, Федоров забрал со стола аналитическую справку и вместе с ней вышел из кабинета.

В приемной начальника штаба ГРУ было пусто, если не считать его новой секретарши, недавно принятой на работу и уже аттестованной на звание прапорщика. Воспользовавшись отсутствием посетителей, Федоров с ходу распахнул тяжелую дверь.

– Лев Аркадьевич занят! – донесся из-за спины встревоженный голос секретарши, но Федоров уже вошел в кабинет своего непосредственного начальника.

Полковник Звонов был занят тем, что пил чай из тонкостенного стакана в старинном серебряном подстаканнике и одновременно с этим читал разложенную у него на столе газету. Услышав звук открывающейся двери, он оторвал взгляд от газетной страницы и, увидев Федорова, радушно предложил ему:

– А, Иван Захарович, чаю не желаете?

– Спасибо, нет, – решительно ответил Федоров. – Товарищ полковник, у меня срочное сообщение.

Федоров замолчал, чтобы плотнее притворить за собой дверь. Услышав столь категоричное заявление, Звонов свернул и отложил в сторону газету, переставил на соседнюю тумбу стакан с недопитым чаем и, обратившись к подчиненному, произнес:

– Присаживайтесь. – Он указал на ближайший стул за приставным столом. – Итак, что у вас?

Начальник старался выглядеть заинтересованным, но по его недовольному вздоху Федоров догадался, что начштаба очень неохотно прервал свое занятие. Однако Федоров был глубоко убежден, что информация, содержащаяся в аналитической справке, относится к категории срочной, поэтому решительно пересек просторный кабинет начальника штаба и, заняв предложенное Звоновым место, произнес:

– Позавчера в американское посольство в Варшаве прибыл полковник Греймс.

В подтверждение своих слов он положил перед начальником штаба захваченную с собой аналитическую справку и указал в ней на последний из отмеченных абзацев. Прежде чем что-либо ответить, Звонов достал из среднего ящика своего стола футляр с очками и, водрузив очки на нос, начал читать. Федоров молча снес демонстрацию начальственной обстоятельности, лишь исподлбья взглянув на Звонова. Шрифт газеты, которую до его появления читал Звонов, был куда мельче шрифта отпечатанного на принтере документа. Однако газету Звонов читал без очков! Значит, очки являлись простым атрибутом для придания начальнику штаба большей солидности. Маленького роста, полный и от этого сильно потеющий, Звонов комплексовал из-за своего внешнего вида и при любом удобном случае всячески старался продемонстрировать подчиненным свою солидность и значимость.

Прочитав отмеченный Федоровым абзац, Звонов вернулся к началу аналитической справки и принялся читать ранее выделенные сообщения. Затем он поднял на Федорова вопросительный взгляд и с укоризной:

– Иван Захарович, что же вы являетесь ко мне с не до конца обработанным документом? Или вы считаете, что сообщение о пресловутом Греймсе важнее сведений, переданных всеми прочими нашими источниками? А ведь разведка – это прежде всего система по сбору сведений самого разнообразного характера! – назидательно произнес он. – А с вашим подходом к отбору сообщений можно вообще не заметить глобальных изменений в геополитической обстановке.

Возглавив штаб ГРУ, полковник Звонов стал настоящим мастером демагогии. Вот и сейчас, вместо того чтобы задать подчиненному прямой вопрос о личности упомянутого в отчете Эдварда Греймса, он начал с критики поспешности в действиях Федорова. Но смутить бывшего офицера «Каскада» оказалось не просто.

– Справка будет обработана в строго отведенные для этого сроки! – заявил Федоров. – Однако я считаю своим долгом обратить ваше внимание на то, что в Варшаве вот уже два дня находится начальник отдела специальных операций ЦРУ, а наше управление в связи с этим не предпринимает никаких действий!

Звонов удовлетворенно кивнул. Он выяснил, кем является упомянутый варшавской резидентурой Эдвард Греймс, и сумел сохранить в тайне от подчиненного свое незнание этого. Теперь начштаба мог не опасаться, что в дальнейшем разговоре с Федоровым тот обнаружит его некомпетентность.

– И чем же визит в Польшу этого цэрзушника так взволновал вас, Иван Захарович? – своим обычным мягким голосом поинтересовался у Федорова Звонов.

– Товарищ полковник, приезд Греймса может означать только одно – ЦРУ готовит или уже приступило к проведению очередной разведывательной акции. Причем эта акция крайне важна для руководства ЦРУ, если ее проведением руководит лично начальник отдела специальных операций. Не думаю, что сама Польша может в такой степени интересоваться американ-

скую разведку. Скорее всего новая акция ЦРУ направлена против России, а Польша используется как плацдарм для ее проведения.

– Иван Захарович, термины «плацдарм», «акция» больше подходят для боевого офицера, – как бы рассуждая вслух, произнес полковник Звонов. – Однако сейчас вы служите в штабе. А офицер штаба – это прежде всего аналитик. А аналитик должен рассматривать проблему со всех сторон. Почему бы вам не рассмотреть более логичное объяснение, что визит в Польшу полковника Греймса связан с обычной инспекционной проверкой посольской резидентуры? А вы преподносите это как чуть ли не подготовку к началу третьей мировой войны.

Звонов добродушно улыбнулся, но Федоров вовсе не разделял его благодушного настроения:

– Товарищ полковник, Греймс – профессиональный диверсант, а не проверяющий инспектор. Я уже пятнадцать лет так или иначе сталкиваюсь с его враждебной деятельностью! И после перевода в штаб даже составил подробную справку о послужном списке этого американского «ястреба». Впервые я услышал о Греймсе в восемьдесят пятом году в Афганистане, где он в качестве американского военного советника обучал тактике ведения диверсионно-партизанской войны главарей афганских моджахедов. Греймс также руководил поставками оружия в Афганистан, в том числе и зенитно-ракетных комплексов «стингер». В восемьдесят седьмом мы с ребятами накрыли несколько душманских баз и складов с оружием, но взять Греймса нам так и не удалось. Позже мы сталкивались с его головорезами в Мозамбике, Анголе, Никарагуа, Алжире и Югославии. Греймс тогда служил в спецназе Пентагона, командовал отрядом командос, а в конце девяностых перешел на службу в ЦРУ, где вскоре возглавил отдел специальных операций. Уверяю вас – Греймс не тот человек, который поедет в зарубежное посольство ради тривиальной инспекционной проверки! Да и его нынешний статус явно выше уровня обычного инспектора!

– Иван Захарович, мне понятны чувства, которые вы испытываете к своему давнему противнику. Однако сейчас вы оперируете не фактами, а эмоциями. А эмоции, как известно, плохой помощник в нашем деле.

– Разве тот интерес, который в последнее время проявляет американская разведка к нашим военным программам, к реформированию армии, к созданию перспективных систем вооружений, является недостаточным фактом?! – воскликнул Федоров. – Товарищ полковник, я официально требую вашего разрешения информировать начальника управления о визите в Польшу полковника Греймса! – закончил он.

После такого неожиданного заявления подчиненного начштаба насупился и мрачно посмотрел на Федорова. Любые обращения подчиненных к вышестоящему руководству, минуя своего непосредственного начальника, отнюдь не способствуют продвижению этого начальника по службе. Полковник Звонов понимал это, как никто другой. За плечами у Звонова имелось двадцать пять лет выслуги, и он уже второй год переживал в полковничьем звании. Значит, существовала реальная вероятность увольнения на пенсию, чего Звонов всячески старался избежать. Правда, начальник управления намекнул ему, что вопрос с его переводом на генеральскую должность практически решен. Однако, пока такой перевод не утвержден приказом, ни в чем нельзя быть уверенным, ведь мнение начальства может и измениться. В подобных обстоятельствах излишняя активность подполковника Федорова могла перечеркнуть честолюбивые планы начальника штаба.

– Иван Захарович, идите работайте. О ваших соображениях я лично доложу начальнику управления, – закончил Звонов беседу со строптивым сотрудником.

«Черт бы тебя побрал! – мысленно прокричал он в спину Федорову, когда тот выходил из его кабинета. – Если уж сообщать генералу об этом Греймсе, то надо докладывать и ответные предложения по его разработке. А как его разрабатывать, если резидентура только и смогла, что отследить факт пересечения им польской границы? Однако вовсе не доложить тоже нельзя.

Этот «каскадонец» может и впрямь заявиться к генералу. Да еще брякнет, что начальник штаба не справляется со своими обязанностями! С него станется. Нет, надо все сделать по-умному...»

И если начальник штаба ГРУ не в состоянии был решить задачу по оперативной разработке представителя американской разведки, то с тем, как обезопасить себя от возможного гнева начальства, справился блестяще. Результатом его визита к начальнику управления стало циркулярное сообщение руководства ГРУ, направленное командованию Вооруженных сил, а также руководству Федеральной службы безопасности о возможной активизации действий американской разведки в отношении России. Вторым, не менее важным результатом общения полковника Звонова с начальником ГРУ стал внутренний приказ за подписью начальника управления, предписывающий старшему офицеру штаба – подполковнику Федорову приступить к оперативной разработке начальника отдела спецопераций ЦРУ – полковника Греймса.

Управление ФСБ по Москве и Московской области, Лубянская площадь 24.05, пятница, 16.30

Внешний вид посетителя явно не соответствовал дорогой европейской отделке кабинета в Московском управлении ФСБ по оперативной работе. В отечественном, причем далеко не новом костюме, с каким-то серым, давно вышедшим из моды галстуком посетитель выглядел робким просителем. Однако человек, явившийся по вызову первого заместителя начальника управления, отнюдь не стеснялся своего столь невзрачного внешнего вида. Привычка неброско одеваться, выработанная за двенадцать лет работы в службе наружного наблюдения органов госбезопасности, буквально стала второй натурой начальника отдела «наружки». Вошедший офицер занял предложенное ему место и вопросительно уставился на зама по оперативной работе.

– Скажите, сколько ваших бригад в данный момент работает по конкретным заданиям оперативных подразделений? – поинтересовался заместитель начальника управления.

– Четырнадцать бригад, – не задумываясь ответил начальник отдела. – Примерно две трети сотрудников.

– Значит, две трети, – повторил для себя зампоопер. – Сейчас у вас есть задания по наблюдению за сотрудниками американского посольства или каких-либо прочих американских миссий?

Начальник отдела напряг память:

– Примерно около месяца мы отрабатывали военного атташе и его помощника. Наблюдение сняли неделю назад. Сейчас по заданию контрразведчиков катаемся за двумя деятелями из фонда Форбса. Да, сейчас поступило задание на разработку председателя российского отделения антиглобалистов. Сейчас мы на стадии проработки маршрутов движения объекта. К постоянной слежке еще не приступали.

– То есть сейчас за сотрудниками посольства вы не наблюдаете? – уточнил замначальника управления.

– Нет, почему? Две бригады из числа не занятых на оперативных заданиях осуществляют выборочный контроль за работниками посольства. Да я еще им стажеров в помощь направил. Пусть молодые потренируются на посольских, – с усмешкой закончил он.

– Каких-нибудь подозрительных фактов в контактах или поездках работников посольства за это время замечено не было? Может быть, кто-то более тщательно проверялся?

– Да... вроде нет, – задумчиво ответил начальник отдела. – Проверяются-то они всегда тщательно, даже если за покупками в магазин едут. Так что вроде бы ничего необычного не было, – повторил он.

– Вы можете поднять отчеты по результатам наблюдения за работниками посольства за последние две недели? – поинтересовался зам и после утвердительного ответа добавил: – Завтра к одиннадцати часам вместе с ними зайдите ко мне.

– Есть! – по-военному четко ответил начальник «наружки», после чего все же решил поинтересоваться, чем вызван столь пристальный интерес к сотрудникам американской дипломатической миссии.

– Сегодня поступил циркуляр из центрального аппарата о возможной активизации деятельности американских спецслужб, в частности ЦРУ, направленной на нанесение ущерба безопасности России, – объяснил зам. – В связи с этим всем территориальным органам предписано выявлять и своевременно пресекать подобную деятельность. Конечно, это общие слова,

тем не менее нам надо присмотреться к американцам повнимательнее. Чтобы подстраховаться на случай встречной проверки.

Начальник «наружки» понимающе кивнул. Он оценил откровенность шефа, из слов которого следовало, что работа по предупреждению возможных подрывных действий американских спецслужб сведется к простому наблюдению за сотрудниками американского посольства. Действительно, что еще можно предпринять, если циркулярное сообщение, разосланное Центром во все территориальные органы госбезопасности, не содержит никаких конкретных указаний. Сам начальник отдела тоже не собирался выделять для этой цели дополнительные силы и средства. «Вон, опера порой по две недели ждут, чтобы за их объектом «наружку» пустили. А что делать, если людей не хватает? Так если за одними американцами следить, то на остальных заданиях можно смело ставить крест», – рассудил он, выходя из высокого кабинета.

Смоленский бульвар, Москва 29.05, среда, 13.05

– Позавчера на «Тойоте» был, вчера на «Хонде», сегодня опять на «Тойоте». Он что, каждый день машины меняет?

Начальник бригады наружного наблюдения – широкоплечий, коренастый мужчина с бритым почти наголо черепом – повернулся к задавшему вопрос стажеру и назидательно произнес:

– Мы еще только четыре дня за ним катаемся, а ты уже берешься выводы делать. Наша задача – наблюдать за объектом. А выводы о его поведении делает кто?

– Инициатор задания, – вставил второй стажер, сидящий рядом с первым на заднем сиденье оперативной машины службы наружного наблюдения Московского управления ФСБ.

– Правильно. Вот и наблюдайте.

С этими словами начальник бригады вновь развернулся на своем переднем сиденье и демонстративно уставился на мелькавшую в автомобильном потоке «Тойоту» с дипломатическими номерами. Десять минут назад эта машина, ведомая референтом второго секретаря посольства, выехала из ворот американской дипломатической миссии и сразу же была взята под наблюдение бригадой наружного наблюдения Московского управления ФСБ.

Командовал бригадой капитан Шипунов – оперативник, имеющий среди всех прочих начальников бригад самый большой стаж в этой должности. В данный момент стажировку у Шипунова проходили трое молодых прапорщиков, пришедших в отдел сразу после окончания учебного центра. И наблюдение за помощником второго секретаря американского посольства являлось для них первым реальным заданием. Помимо трех стажеров в бригаду входили двое водителей, управляющих оперативными машинами. Пока одна из машин вела автомобиль объекта, вторая двигалась по параллельным улицам впереди него, чтобы при необходимости сменить наблюдателей.

– Товарищ капитан, а как вы думаете – он нас засек? – поинтересовался у Шипунова все тот же любопытный стажер.

– Если сегодня снова будет отрываться, значит, засек, – авторитетно заявил Шипунов.

Сидящий за рулем оперативной машины водитель, услышав вопрос стажера, лишь молча усмехнулся себе в усы. И водитель, и сам Шипунов прекрасно знали, что для качественной слежки за объектом требуется, как минимум, три бригады наружного наблюдения и порядка десяти различных автомобилей. Однако оба прекрасно знали и то, что подобные силы и средства выделяются лишь для наблюдения за объектом серьезной разработки. Для выборочной слежки за сотрудниками посольства руководство может направить одну, максимум две бригады «наружки», да и то наполовину укомплектованные новичками-стажерами. Обычная практика.

Первые два дня наблюдения за референтом второго секретаря американского посольства, получившим оперативный псевдоним Студент за его молодой возраст и академическую внешность, не доставили сотрудникам бригады НН особых хлопот. Студент много ездил по городу, однако во время движения держался в общем потоке автомобилей и побывал только в трех офисах, которые до него уже не раз посещали прочие сотрудники американского диппредставительства. Все передвижения Студента за эти два дня Шипунов подробно описал в поданном начальнику отдела рапорте, а для себя решил, что и все последующие дни пройдут по аналогичной схеме. Однако на третий день, во время очередной поездки по городу, за двадцать метров до перекрестка Студент резко свернул вправо и, едва избежав столкновения с движущимися в параллельных рядах автомобилями, перестроился в крайний правый ряд. Следующая за ним оперативная машина не смогла повторить предпринятый Студентом маневр. Американец же, проигнорировав запрещающий сигнал светофора, свернул на перпендикулярную улицу

и по ней легко ушел от сопровождающей его оперативной машины. По приказу начальника бригады вторая машина, двигавшаяся по параллельной улице, попыталась перехватить автомобиль Студента на следующем перекрестке, но попытка оказалась неудачной. Потерянный объект был вновь обнаружен лишь спустя два часа, когда наблюдатели стационарного поста среди въезжающих на территорию американского посольства автомобилей опознали и машину Студента. После вчерашнего отрыва объекта, ставшего полной неожиданностью для сотрудников бригады наружного наблюдения, и стажеры-прапорщики, и капитан Шипунов терялись в догадках, как поведет себя Студент в этот день.

– Коля, сейчас будет перекресток, откуда можно также уйти на боковую, – предупредил Шипунов по рации водителя резервной машины. – Притормози на светофоре. Если он уйдет в твою сторону, дам знать.

– Понял, сделаю, – сквозь треск эфира донесся голос водителя резервной машины.

Но сделанное начальником бригады предупреждение оказалось напрасным: Студент миновал перекресток в обычном направлении.

– Товарищ капитан, а может, он видит нас и поэтому не отрывается? – вновь раздался с заднего сиденья голос любопытного стажера. – Нам бы отстать от него побольше.

– Ага, а он рванет от нас по прямой. Догони его потом при таком движении, – ответил Шипунов. – Пусть уж лучше едет, как ехал. И ему спокойнее, да и мы в таком случае трюнделей от начальства не огребем.

Но высказанной вслух начальником бригады наружного наблюдения надежде не суждено было сбыться. Двигаясь по Садовому кольцу в сторону Таганской площади, Студент повторил свой вчерашний маневр и, резко изменив направление движения, свернул к центру Москвы.

– Черт бы тебя побрал, – процедил сквозь зубы капитан Шипунов, наблюдая, как посольская «Тойота», проскочив буквально под носом у выехавшего на перекресток «Мерседеса», рванула к центру столицы. – Коля, держи его! Он к центру прет! – закричал Шипунов, схватив с приборной панели микрофон встроенной рации.

– ...твою мать, – невнятно донеслось из эфира.

И Шипунов ясно представил, как Николай – водитель резервной машины – резко выворачивает руль, чтобы броситься наперехват стремящейся оторваться от наблюдения посольской «Тойоте». Как только красный сигнал на светофоре сменился зеленым, основная машина бригады наружного наблюдения свернула на боковую улицу, куда незадолго до этого свернул Студент, и устремилась на поиски беглеца. Начальник бригады уже не верил в успех предпринятых поисков, и тем неожиданнее оказался для него вырвавшийся из рации радостный голос стажера-наблюдателя второй машины:

– Оляха! Я Калина! Вижу объект! Объект движется по Яузской улице к центру Москвы. В машине один. Скорость не снижает, очевидно торопится.

– Отлично, Калина! Ты, ты просто... молодец! – не поскупился на похвалу Шипунов. – Держи его. Если что, мы на подхвате. – Повесив на место микрофон рации, он повернулся к своему водителю: – Все слышал? Рули на Яузскую. Коля с Игорем первой машиной, мы за ними.

Двое стажеров за спиной начальника бригады радостно переглянулись. Если объект уверен, что он, как и накануне, ушел из-под наблюдения, то сейчас должно последовать именно то, ради чего Студент подвергал себя нешуточной опасности, бросаясь на перекрестке наперерез встречному потоку автомобилей.

– Выехал на Солянку, – продолжал докладывать наблюдатель из головной машины.

– Он что, к нам в контору едет? – иронично предположил один из стажеров.

Следуя прежним маршрутом, работник американского посольства должен был выехать прямо на Лубянскую площадь.

– Это он следы путает, а заодно проверяется, не осталось ли за ним еще какого-нибудь «хвоста», – вполне серьезно ответил на ироничное замечание стажера Шипунов.

– Нет, свернул на Покровку! – подтвердил его слова доклад наблюдателя из головной машины. – Едет обратно к Садовому кольцу.

– Игорь, Николай, максимум собранности. – Забыв про радиопозывной, начальник бригады обратился к наблюдателю и водителю головной машины по именам. – По всему выходит, у Студента где-то там место встречи или тайниковой закладки. Поэтому будьте внимательны. Мы уже близко.

– Объект снижает скорость, – донеслось из динамика рации через пару минут. – Останавливается. Выходит из машины.

– Где вы встали? – быстро спросил Шипунов.

– На Покровке, перед Барашевским переулком, – так же быстро ответил наблюдатель из головной машины.

«Черт! Неудачное место: сплошные проходные дворы и выходящие друг в друга переулки», – вспомнил Шипунов район Москвы, где остановились машины помощника американского дипломата и бригады наблюдения.

– Давай, Игорь, двигай за ним. В случае чего звони мне на «трубу». Мы сейчас подъедем, прикроем тебя.

Позже Шипунов так и не смог себе объяснить, почему в разговоре со стажером употребил именно эти слова. Скорее всего опытный наблюдатель интуитивно почувствовал угрожающую его сотруднику опасность и постарался предупредить его.

Выслушав приказ начальника бригады, Игорь выбрался из машины. Должностная инструкция запрещает водителю оперативной машины покидать свой автомобиль, поэтому молодому прапорщику предстояло вести наблюдение за объектом самостоятельно. Тем не менее Игорь не переживал по этому поводу. Место, где Студент остановил машину, оказалось немногочисленным, и стажер не боялся потерять объект наблюдения из виду.

Обойдя вокруг машины, чтобы визуально проверить давление в шинах, а в действительности – чтобы осмотреться по сторонам и элементарно провериться, Студент вошел в выходящий на улицу переулок. Прапорщик из бригады наружного наблюдения предполагал возможность подобной проверки, поэтому не покидал свое место в салоне, пока объект не зашел за угол. Только после этого он выбрался из оперативной машины и направился следом за Студентом.

Прохожих в переулке оказалось гораздо меньше, чем на улице, и Игорю пришлось значительно увеличить расстояние до объекта, чтобы лишний раз не попадаться ему на глаза. Студент уверенно прошел один квартал, но на пересечении со следующим переулком вновь остановился и начал крутить головой по сторонам, делая вид, что читает номера домов. Заметив по пути вывеску «Аптека», Игорь поспешно зашел внутрь и, достав из-за пазухи трубку мобильного телефона, набрал номер телефона Шипунова.

– Студент прошел один квартал, дважды проверился, – шепотом, чтобы не услышали остальные посетители аптеки, доложил он.

– Ясно. Мы возле вашей машины, идем за тобой, – последовал ответ.

Игорь спрятал трубку в карман и вышел из аптеки. Объекта на перекрестке уже не было, но, по расчетам Игоря, он не мог уйти далеко. Когда прапорщик вслед за Студентом тоже вышел на перекресток, тот действительно оказался рядом. Он свернул в соседний переулок и неторопливо шел по нему размеренным прогулочным шагом, хотя еще минуту назад явно куда-то торопился. Игорь перешел на противоположную сторону улицы и, увидев примерно в ста метрах впереди себя проход между жилыми домами, решил, что из подворотни снова доложит начальнику бригады о перемещении объекта. По другой стороне переулка навстречу Студенту шли редкие прохожие, и один из них, поравнявшись с американцем, замедлил шаг и

обратился к нему с каким-то вопросом. Конечно, это мог быть случайный прохожий, поинтересовавшийся, как пройти на нужную ему улицу. Студент остановился и, выразительно жестикулируя руками, начал что-то объяснять. Судя по его жестикуляции, он действительно объяснял прохожему дорогу. Но такое откровенно демонстрационное поведение объекта показалось Игорю особенно подозрительным. Прапорщик замедлил шаг и расстегнул две верхние кнопки-застежки на своей курточке-ветровке, открыв тем самым объектив оперативной фотокамеры. Ему пришлось остановиться, чтобы сделать качественный снимок, зато лицо встретившегося со Студентом молодого крепкого мужчины должно было отчетливо получиться на пленке. Мужчина выслушал ответ Студента и, буркнув тому пару слов благодарности за помощь, пошел дальше. Студент тоже двинулся дальше в прежнем направлении. Игорь прибавил шагу, чтобы быстрее доложить начальнику о состоявшемся контакте. Он даже опустил руку в карман и на ощупь нажал на своем телефоне кнопку повтора последнего набранного номера.

Из-за близости соседних зданий дневной свет плохо проникал в примеченную Игорем подворотню. И, оказавшись возле нее, прапорщик вдруг отчетливо почувствовал, что не хочет туда входить. Но в этот момент чья-то необычайно крепкая рука схватила его за плечо и втолкнула в темноту подворотни. Игорь растерянно оглянулся. На какую-то долю секунды он увидел перед собой лицо незнакомого мужчины с горящими ненавистью глазами и плотно сжатыми губами. Но уже в следующее мгновение сжатый кулак мужчины врезался прапорщику в переносицу. Мощнейший удар разорвал Игорю носовой хрящ и связки верхних лицевых мышц, раздробил несколько наиболее тонких черепных костей, осколки которых пронзили головной мозг, вызвав общий паралич и последовавшую за ним мгновенную смерть.

Второй рукой убийца подхватил под мышки обмякшее тело и прижал труп к стене дома. Зафиксировав таким образом тело наблюдателя в вертикальном положении, чтобы никто из проходящих мимо подворотни прохожих не усомнился, что видит перед собой двоих вполне здоровых мужчин, убийца свободной рукой рванул на себя полы полурасстегнутой куртки убитого прапорщика. Он точно знал, где может находиться то, что он ищет, поэтому всего за несколько секунд снял с тела Игоря оперативную фотокамеру и миниатюрный диктофон вместе с присоединенным к нему выносным микрофоном. Обшарив карманы своей жертвы, убийца вытащил оттуда служебное удостоверение Игоря и его мобильный телефон. Телефон оказался включенным. Убийца тут же выключил его и разбил ударом о стену. После этого он хотел выбросить испорченную трубку, но, спохватившись, сунул ее к себе в карман. Последним, что он обнаружил на теле убитого прапорщика, оказалась его пристегнутая к поясу кобура с компактным пистолетом «ПСМ». Убийца выдернул из кобуры пистолет и вслед за телефонной трубкой отправил к себе в карман. Закончив обыск, он отпустил мертвое тело, и оно, скользнув по стене, растянулось на грязном асфальте. Тем временем убийца уже исчез в глубине подворотни. Он миновал проходной двор и вышел в параллельный переулок, а оттуда на Садовое кольцо, точно к входу станции метро «Курская».

...Ответив на вызов, капитан Шипунов прижал трубку к уху. Но оттуда донесся лишь равномерный гул. Так и не услышав ни одного слова, Шипунов энергично потряс трубку и снова прижал ее к уху. Эффект оказался тот же. Трубка слабо потрескивала, но молчала. Совершенно неожиданно из динамика донесся резкий звук сильного удара, словно абонент выронил свой телефон из рук.

– Игорь, это ты?! Что там у тебя?! – испуганно выкрикнул начальник бригады.

Услышав непонятный звук, он в первую очередь подумал о своем наблюдателе. Ответом начальнику бригады было все то же молчание, шорох и слабое потрескивание.

– А может, у него телефон неисправен? – предположил один из сопровождающих Шипунова прапорщиков.

– Две минуты назад был исправен, а теперь сломался?! – задал стажеру встречный вопрос Шипунов. – Боюсь, что-то случилось. Ну-ка, быстро за Игорем! – приказал он обоим стажерам. – И обыщите все дворы по его маршруту!

Но обыскивать все дворы не пришлось. Как только прапорщики добежали до перекрестка, откуда последний раз выходил на связь их напарник, и заглянули в ближайшую подворотню, то сразу наткнулись на тело своего товарища.

Игорь лежал на боку, откинув в сторону левую руку. Его правая рука, наоборот, была прижата к груди. Создавалось впечатление, что у лежащего на асфальте человека стало плохо с сердцем. Один из стажеров наклонился и осторожно перевернул тело своего друга на спину, и оба испуганно отпрянули. Лицо Игоря представляло собой жуткое зрелище. Расплющенный и буквально вмятый внутрь черепа нос. Под носом расплылось густое кровавое пятно – такое, что губы Игоря и часть его левой щеки тоже оказались в крови. И две тонкие струйки крови струились из уголков глаз на крылья раздавленного носа...

Сзади к прапорщикам, пытаясь, подбежал Шипунов.

– Где?! Что с ним?! – с шумом выдохнул он.

– Вот... – Стажеры растерянно расступились.

Шипунов взглянул в лицо своего третьего стажера и сразу все понял.

– Ничего не трогали? – спросил он у прапорщиков, как только сумел проглотить подступивший к горлу комок.

– Нет, – последовал незамедлительный ответ. – Я его только на спину перевернул, – добавил стажер, прикасавшийся к телу Игоря.

– Вот и не трогайте! – распорядился начальник бригады. Он вынул из кармана и передал одному из стажеров свой мобильный телефон. – Доложите в отдел о случившемся, пусть высылают опергруппу. Останетесь здесь до приезда наших, расскажете им, как все произошло. А я попытаюсь перехватить этого американца. Даже если это и не его работа, то он должен знать, кто это сделал.

Однако предпринятая начальником бригады попытка задержать сотрудника американского посольства оказалась неудачной. Когда Шипунов примчался к оперативной машине Игоря, водитель Николай сообщил ему, что Студент около трех минут назад уехал на своей «Тойоте». Шипунов вместе с водителем устремились в погоню за американцем, однако настичь или хотя бы обнаружить его отъехавшую три минуты назад машину им так и не удалось. Спустя пятнадцать минут безрезультатного преследования Шипунов связался по рации с сотрудниками стационарного поста наблюдения возле американского посольства, и те сообщили ему, что машина помощника второго секретаря посольства только что въехала на территорию американской дипломатической миссии.

Станция метро «Курская», Москва, 14.10

Спустившись по эскалатору на платформу, убийца разыскал глазами человека, остановившего своим вопросом помощника второго секретаря американского посольства. Обменявшись взглядами, они вошли в один и тот же вагон и, проехав одну остановку, так же вместе вышли на станции «Комсомольская» и по подземному переходу двинулись к Ярославскому вокзалу. На вокзале человек, общавшийся с американским дипломатом, встретился со своим приятелем и вместе с ним направился к автоматическим камерам хранения. Убийца прапорщика Игоря, держась от них на почтительном удалении, двигался следом. Уже в помещении камеры хранения он нагнал их и, проходя мимо, произнес:

– За посольским был «хвост». Возле ячеек будьте внимательнее.

Услышав эти слова, Боб вздрогнул от неожиданности. С того момента, как тройка диверсантов пересекла польско-белорусскую границу, из уст командира группы впервые прозвучало предупреждение о действительно серьезной опасности. До последнего момента диверсанты практически ничем не рисковали, если не считать использования поддельных документов для въезда на территорию России. Однако все три российских загранпаспорта, которые вручил полковник Греймс своим агентам, были изготовлены в специальной лаборатории ЦРУ на высокотехнологичном полиграфическом оборудовании. Выявить подделку могла лишь процедура сравнительного запроса в центральную базу ОВИРа на соответствие номера и серии заграничного паспорта вписанным в него имени и фамилии. Естественно, что на российской границе при прохождении паспортного контроля никто не стал подвергать трех возвращающихся из Польши коммерсантов подобной проверке. Диверсанты не везли с собой ни оружия, ни специального снаряжения, поэтому без особых формальностей прошли таможенный досмотр. В тот же день, правда, с четырехчасовым опозданием, поезд Варшава – Москва доставил диверсионно-разведывательную группу Циклопа на Белорусский вокзал.

Боб и Марк в Москве оказались впервые. Стен вернулся в столицу после трехлетнего отсутствия. Выйдя из здания на привокзальную площадь, бывший «каскадoveц» своим опытным взглядом определил, что Москва пусть незначительно, но все-таки изменилась. Правда, изменения, которые за то же время произошли с бывшим командиром штурмовой группы спецназа, оказались куда значительнее. Теперь у него были другие имя и фамилия, и служил он уже другому государству. Правда, цели остались прежними. Как и пять лет назад, когда Степан Осокин погнался за четвертью миллиона долларов, предназначенных чеченским боевикам, и ради этого лично уничтожил девять чеченцев и погубил трех своих солдат, так и сейчас Стен, по прозвищу Циклоп, стремился завладеть суммой, в восемь раз превышающей куш пятилетней давности. Впрочем, была и еще одна цель. Он стремился доказать всем, и в первую очередь своему бывшему командиру – подполковнику Федорову, что по-прежнему остается лучшим среди всех бойцов-диверсантов даже такого элитного подразделения, как спецназ ГРУ. Ради достижения своих целей он вновь готов был убивать, но при этом не колеблясь, как пять лет назад, когда его вместе с награбленными деньгами задержал ооновский патруль. Прошлое наемного убийцы, общение с американским полковником Греймсом и само задание ЦРУ лишили Степана Осокина последних тормозов, превратив в настоящее кровожадное чудовище с острова циклопов.

С Белорусского вокзала диверсанты переехали на Ярославский, где, найдя свободные места в зале ожидания, расположились вместе со своими сумками. В течение часа они по очереди обследовали здание вокзала, изучив взаимное расположение его залов, выходы к поездам и на привокзальную площадь. Через час, оставив Боба на вокзале караулить вещи, Стен с Мар-

ком отправились на встречу со связником из американского посольства. Никто из них раньше не видел связника, но перед отправкой в Россию полковник Греймс показал им его фотографию. Фотография, а также точное указание времени и места встречи практически исключало вероятность ошибки при предстоящей процедуре контакта.

По приказу Стена на встречу со связником отправился Марк. Стен же наблюдал за ним, двигаясь навстречу по противоположной стороне улицы. Место встречи со связником тоже выбрал Стен. Живя в столице, он хорошо изучил этот район старой Москвы со множеством проходных дворов и переулков, позволяющих легко и быстро оторваться от возможного преследования. Заметив впереди себя невысокого молодого парня, явно наблюдавшего за идущим по противоположной стороне улицы американцем, Стен мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Еще задолго до встречи со связником Циклоп определил для себя, как поступит с возможным наблюдателем. Участь Игоря была решена. Молодой стажер настолько сосредоточился на объектах своего наблюдения, что не заметил подкравшегося со спины убийцы.

Циклоп, как всегда, действовал молниеносно. Никто из прохожих, оказавшихся в тот момент на улице, не заметил, как он втолкнул в подворотню оказавшегося у него на пути молодого парня. Не заметил этого и Марк, поэтому оказался поражен не меньше Боба, когда у него над ухом прозвучали слова Стена о «хвосте» за связником из посольства.

Тем не менее Марк, шагавший рядом с Бобом, внешне остался спокоен и лишь проводил обогнавшего их Циклопа настороженным взглядом. Но предупреждение командира группы отнюдь не отменяло порученного диверсантам задания, поэтому Боб и Марк с опаской, но все-таки направились к ячейкам, номера которых сообщил Марку при встрече связной из посольства. Отыскав две указанные соседние ячейки, диверсанты остановились. Боб поставил на пол две объемные дорожные сумки, которые нес в руках, а Марк быстро набрал на дверцах ячеек названные посольским работником шифры. Внутри ячеек оказались три дорожные сумки, внешне похожие на те, которые принес с собой Боб. Диверсанты извлекли из ячеек сумки, а на их место поставили свои. На выходе из зала автоматических камер хранения их поджидал Стен.

– Как будто все в норме. За вами никто не следил, – сообщил он.

Но слова командира не очень-то успокоили бойцов разведгруппы.

– Куда мы сейчас? – взволнованно спросил Боб.

– До поезда еще час с лишним, – взглянув на свои наручные часы, с откровенной ленью в голосе ответил Стен. – Значит, придется еще поторчать на вокзале. Пошли, кинем куда-нибудь свои кости.

В отличие от своих бойцов командир разведгруппы абсолютно не волновался. Он уже убедился в отсутствии какого бы то ни было наблюдения. К тому же оружие убитого прапорщика придавало Циклопу уверенности. Боб с Марком только что забрали из камеры хранения целый арсенал, но до него еще предстояло добраться, в то время как в кармане у Стена уже лежал взведенный «ПСМ».

Стен забрал у Боба одну из вынесенных им сумок и попробовал забросить ее себе на плечо. Однако у него ничего не получилось. Сумка оказалась на редкость тяжелой, и командир диверсантов едва не вывихнул руку. Только сейчас он понял, почему у его бойцов такие напряженные лица и тяжелое дыхание. Бобу и Марку нелегко было нести свою ношу. Со второй попытки Стен все же забросил сумку на спину, после чего направился к залу ожидания. Боб и Марк двинулись следом за ним. Их прежние места оказались заняты подошедшими позже пассажирами. Марк указал рукой на три свободных кресла в соседнем ряду, но Стен, проигнорировав его жест, прошел мимо. Остановившись в углу зала ожидания, где не было сидячих мест, он с облегчением сбросил на пол свою сумку и, обратившись к спутникам, приказал:

– Кладите вещи сюда.

Боб и Марк не очень охотно подчинились. Осмотрев все три сумки, Стен выбрал ту, в которой, по описанию Греймса, должны были находиться их новые документы. Он присел возле сумки, загородив ее спиной от проходящих по залу пассажиров, и потянул на себя застежку-«молнию». Неразработанная «молния» открылась с трудом. Стен отметил, что все три сумки пошиты у него на родине. На последнем он особо настаивал при обсуждении плана операции. По твердому убеждению Циклопа, для большего соответствия легенде личные вещи диверсантов, помимо специального снаряжения, должны были комплектоваться из предметов российского производства. Стен вспомнил, как он чуть не силой заставил Марка снять с руки его шестнадцатитысячную «Омегу» в платиновом корпусе, зато теперь запястье снайпера «украшала» совершенно не бросающаяся в глаза дешевая китайская подделка под японский «Ориент». Сам Стен выбрал для себя механические командирские часы в водонепроницаемом корпусе, собранные на Чистопольском часовом заводе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.